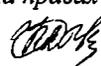

На правах рукописи

КОКОРХОЕВА ДУГУРХАН СУЛТАНГИРЕЕВНА

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИК)**

**Специальность 23.00.02 -
политические институты, процессы и технологии**

**Автореферат диссертации на соискание ученой
степени доктора политических наук**

Краснодар 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор **Юрченко Виктор Михайлович**

Официальные оппоненты:

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, заместитель декана факультета политологии

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, заведующий кафедрой политологии

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, Ульяновский государственный университет, заведующий кафедрой связей с общественностью

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится «24» мая 2012 года в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.101.11 при ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 237.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета.

Автореферат разослан «28» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Баранов А.В.

Актуальность темы исследования. Российская Федерация – одно из постсоциалистических государств, в которых институционализация государственной власти является весомым фактором трансформации политической системы, влияющим на политические процессы. Тема диссертации актуальна для политической теории и реализации федеративной политики в современной России. Институциональный дизайн органов власти важен в качестве результата конкуренции политических субъектов, обладающих ресурсами влияния, интересами и стратегиями активности. Сравнительный анализ институционализации органов власти республик – субъектов Российской Федерации важен для оценки баланса формальных и неформальных институтов политики, выяснения факторов выбора формы правления и политического режима на субнациональном уровне. Двадцатилетний опыт постсоциалистических трансформаций политических институтов требует решить проблемы:

- в чем общероссийские закономерности институционального развития органов власти всех субъектов федерации, а в чем – особенности республик;
- каковы различия между формально-правовым и реальным политическим содержанием институтов власти;
- каким образом на институционализацию власти в республиках РФ влияет политизированная этничность, уровень экономического и социального развития, тип идентичности и другие долгосрочные факторы;
- почему децентрализация федеративных отношений и институтов власти не привела в республиках к столь же кардинальной трансформации политических практик и неформальных институтов политики;
- каковы противоречия и тенденции институционального развития органов власти республик в контексте общероссийских политических процессов.

Федерализм в России является сравнительно краткосрочным политико-институциональным феноменом. Решив задачи сохранения российской государственности в начале 1990-х гг., постсоветская модель федерализма сохраняет переходный характер. В условиях глобализации на первый план выходят такие качества российского федерализма, как территориальное выражение демократии, соблюдение прав и свобод граждан, эффективность государственного управления, своевременное предупреждение и регулирование политических конфликтов. Но глобализация создает и риски фрагментации государств.

Реформы федерализма в России, начатые осенью 1999 г., ставят цель интеграции государства, что требует качественной трансформации его первоначальной институциональной модели. Реформы российского федерализма нуждаются в концептуальном осмыслении и определении перспектив. Незученный аспект темы – политическая институционализация органов государственной власти республик в составе РФ. Поэтому тема исследования обладает и теоретической, и политико-прикладной актуальностью.

Степень научной разработанности темы. Сложившуюся совокупность исследований целесообразно классифицировать по научным направлениям. Политическая наука в России значительно моложе, чем правоведение, история, этнология. Это обстоятельство сказывается на понятийном аппарате, стиле научного мышления российских политологов. Такая стадия развития науки облегчает обмен научными выводами и методиками между профессиональными сообществами, стимулирует синтез ряда дисциплин: институциональной политологии, сравнительной политологии, государственоведения, этнополологии, политической регионалистики. Их предметные поля пересекаются в анализе политической институционализации системы власти в условиях федерализма.

Политическая институционализация теоретически осмысливается в работах С. Хантингтона, Г. Бен-Дора, Дж.Г. Марча и Й. Ольсена, Р. Гудина¹. На материалах современной России политическая институционализация исследована усилиями С.В. Патрушева, П.В. Панова, М.С. Ильченко, Н.В. Петрова, Ш.Ш. Какабадзе и др.² Они доказали, что формально-правовые институты в России не совпадают с политическими. Система отношений между федерацией и её субъектами, а также между ветвями и органами власти «по горизонтали» регулируется противоречивой совокупностью правовых норм, неформальных политических соглашений и традиций.

Взаимодействие органов законодательной и исполнительной власти в современных политических системах интерпретировали Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, А. Лейпхарт, А. Пшеворский³ и др. Политологические исследования власти активно ведутся в России. Система государственной власти в институциональном аспекте проанализирована В.В. Мшвениерадзе, И.П. Кравченко, Е.В. Осиповой⁴. Можно отметить концептуально важные работы А.И. Соловьева⁵,

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004; Ben-Dor G. Institutionalization and Political Development: A Conceptual and Theoretical Analysis // Comparative Studies in Society and History. Cambridge, 1975. Vol. 17. № 3. P. 309-316; March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. Washington, 1984. Vol. 78. № 3. P. 734-749; Goodin R.E. The Theory of Institutional Design. Cambridge, 1996.

² Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология. М., 2006. С.7-42; Панов П.В. Институциональный порядок: Подходы к осмыслению и исследованию // Современные институциональные исследования: состояние, проблемы, перспективы. 2009. С.20-38; Ильченко М.С. Институционализация практик взаимодействия центра и регионов в постсоветской России // Там же. С.159-179; Федеральная реформа 2000-2003 гг. Т.1. Федеральные округа / Под ред. Н.В. Петрова. М., 2003; Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова, М. Бри. М., 2000; Какабадзе Ш.Ш. Согласование интересов в федеративной системе России: Особенности институционализации // Политическая наука. 2009. №3. С.144-158.

³ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. М., 2002; Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. №2; Пшеворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.

⁴ Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе, И.П. Кравченко, Е.В. Осипова и др. М., 1989.

⁵ Соловьев А.И. Институциональный дизайн российской власти: исторический ремейк или

В.Г. Ледяева¹, В.Ф. Халипова², В.Е. Чиркина³. Социокультурный тип власти в России установлен в работах Ю.С. Пивоварова⁴. На материалах постсоветской России модель разделения властей и роль ветвей власти в политических реформах выявили Н.А. Баранов, В.А. Кочев, Р. Кайе, О.И. Зазнаев, И.И. Кузнецов⁵.

Сравнительная политология исследует федерализм в аспекте политических институтов и процессов. Теоретические основы компаративного анализа федерализма в политической науке создали Д. Элазар, П. Кинг, И. Дучачек, Р. Уоттс и др.⁶ Принципиальное значение имеет трактовка федерализма как проявления территориального разнородности социума («федеративного общества» по У. Ливингстону)⁷. Федерализм не сводится к правовым нормам и форме государственного устройства, а включает в себя систему политических отношений и практик взаимодействия между субъектами политики, тип политической культуры общества. Школа сравнительного федерализма, основанная Д. Элазаром, разработала категорию «федеральные политические системы», предложила их типологию⁸.

М.В. Ильин, Л.В. Сморгунов, Г.В. Голосов⁹ исследуют российский федерализм в контексте развития политической системы. Прикладной анализ политических институтов федерации провели А.А. Захаров, А.С. Макарычев, И.М. Бусыгина, П.А. Федосов, А.А. Галкин, Н.В. Петров, М.Г. Миронюк, И.Б. Гоптарева, В.Я. Гельман¹⁰. За постсоветский период достигнут плюра-

матрица развития? // Общественные науки и современность (ОНС). 2004. №1. С. 64-76.

¹ Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. М., 2001.

² Халипов В.Ф. Кратология – наука о власти. М., 2002.

³ Чиркин В.Е. Публичная власть. М., 2005.

⁴ Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // Полис. 2006. №1.

⁵ Баранов Н.А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб., 2008; Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань, 2006; Кочев В.А., Кайе Р. Взаимоотношения законодательной и исполнительной власти // Россия и Британия в поисках достойного правления. Пермь, 2000. С.156-176; Кузнецов И.И. Политические механизмы разделения властей в современной России. Саратов, 2010.

⁶ Элейзер Д.Дж. Указ. соч. С. 106-115; Кинг П. Классификация федераций // Полис. 2000. №5. С. 7-18; Duchacek I.D. *The Territorial Dimension of Politics. Within, Among and Across Nations*, Boulder, London, 1986; Watts R.L. *Comparing Federal Systems*. 2nd ed. Montreal; Kingston; London; Ithaca, 1999; *The Covenant Connection: From Federal Theology to Modern Federalism* / Ed by D.J. Elazar and J. Kincaid. Lanham, 2000.

⁷ Ливингстон У. Федерализм // Этнос и политика. Хрестоматия. М., 2000.

⁸ Элейзер Д.Дж. Указ. соч.

⁹ Ильин М.В., Сморгунов Л.В., Сравнительная политология // Политическая наука. 2001. №2. С. 120-148; Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.

¹⁰ Захаров А.А. *E Pluribus Unum: Очерки современного федерализма*. М., 2003; Макарычев А.С. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. 2000. №5. С. 81-97; Бусыгина И.М. Федерализм и местное самоуправление в России / И.М. Бусыгина, А.А. Захаров. М., 2003; Галкин А.А. Эволюция российского федерализма / Галкин А.А., Валентей С.Д., Соловей В.Д., Федосов П.А. // Полис. 2002. №3. С. 96-138; Петров Н.В. Федерализм по-русски // Pro et Contra. 2000. №1. С. 7-33; Миронюк М.Г. Человеческое измерение федерализма // Полис. 2003. №3. С. 98-108; Гоптарева И.Б. К вопросу о типах федеральных систем // Политическая наука. 2003. №3. С. 187-207; Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. 2006. №2. С.90-109.

лизм методик анализа. Общей чертой политологического подхода по сравнению с подходом правовым является акцент на практиках взаимодействия институтов власти. Раскрывается роль гражданского общества, его институтов в развитии федерализма.

Современное сравнительное государственное устройство развивается на стыке политической науки и юриспруденции, как подтверждают работы Г. Дрюри и Б. Ротстайна¹. Федерализм трактуется в этой традиции как проявление прав и свобод человека, выражение принципов субсидиарности и демократической интеграции общества (по М. Бёрджессу и Ф. Грессу)². В российском государственном устройстве системный анализ федерализма проводят В.Е. Чиркин, А.Н. Медушевский, М.Х. Фарухшин, М.В. Столяров, Д. Тэпс³. Политическая институционализация субнационального уровня власти в постсоветской России глубоко изучена в работах С.А. Авакьяна, А.Н. Аринина, М.В. Глигич-Золотаревой, Н.М. Добрынина, И.А. Коноховой, Л.М. Карапетяна, А.В. Зиновьева⁴.

В государственном устройстве проявляется конкуренция концепций федерализма. Ряд аналитиков (Л.Ф. Болтенкова, М.В. Столяров, Р.С. Хакимов, С.М. Шахрай) поддерживает договорную модель федерации⁵. Но преобладает точка зрения сторонников конституционной федерации (И.А. Умнова-Конюхова, Н.В. Петров, А.В. Зиновьев, Н.М. Добрынин)⁶.

Второй аспект дискуссий – о роли этнического фактора в институциональном строе РФ. Многие исследователи (Р.Г. Абдулатипов, Л.М. Карапе-

¹ Дрюри Г. Политические институты с точки зрения права // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 205-217; Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Там же. С. 149-180.

² Бёрджесс М. Федерализм и федерация: государство порядка / М. Бёрджесс, Ф. Гресс // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. №2. С. 102-108.

³ Чиркин В.Е. Сравнительное федеративное государство. М., 1997; Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002; Фарухшин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты М., 2004; Столяров М.В. Россия в пути: Новый федерализм и Западная Европа. Казань, 1998; Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002.

⁴ Авакьян С.А. Изменение статуса субъекта РФ: проблемы и пути их разрешения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2003. №б. С. 18-37; Аринин А.Н. Уроки и проблемы становления российского федерализма / А.Н. Аринин, Г.В. Марченко. М., 1999; Глигич-Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М., 1999; Добрынин Н.М. Новый федерализм: модель будущего государственного устройства РФ. Новосибирск, 2003; Конохова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт. М., 2004; Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М., 2001; Зиновьев А.В. Концепция радикальной реформы федеративного устройства России // Изв. вузов. Правоведение. СПб., 2002. С. 57-68.

⁵ Болтенкова Л.Ф. Правовые аспекты оптимизации федеративных отношений в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. №1. С. 161-166; Столяров М.В. Указ. соч.; Хакимов Р.С. Асимметричность РФ: Взгляд из Татарстана // Асимметричность федерации. М., 1997. С. 61-67; Шахрай С.М. О перспективах развития договорной практики как инструмента укрепления российского федерализма. М., 1996.

⁶ Умнова-Конюхова И.А. О конституционно-правовой основе разделения государственной власти между федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением // Центр - регионы - местное самоуправление. М.; СПб., 2001. С. 29-46; Петров Н.В. Указ. соч.; Зиновьев А.В. Указ. соч.; Добрынин Н.М. Указ. соч.

тян, Э.В. Тадевосян и др.) считают Россию «федерацией народов», многонациональным государством, в котором республики и автономные образования являются формой самоопределения народов¹. Но набирает силу иная концепция. Суверенитет на всей территории Российской Федерации принадлежит российскому многонациональному народу. Из этого следует невозможность суверенитета субъектов федерации. Обосновывается модель симметричной федерации с субъектами, имеющими равный статус независимо от этничности (В.Р. Филиппов, Н.М. Добрынин, С.С. Митрохин)².

Воздействие этнического фактора на российский федерализм стало предметом острой дискуссии. Остаются невыясненными и даже отдалаются от решения вопросы учета этничности в политических институтах Российской Федерации. Одни исследователи (С.И. Каспэ, Н.М. Добрынин) категорически отвергают пользу смешанной федерации в России и предлагают отказаться от национально-территориального принципа³. В крайних формах эта точка зрения (А.Б. Зубов) ведет к унитаризму⁴. Напротив, Л.М. Карапетян, Р.Г. Абдулатипов идеализируют этнотерриториальный принцип, что в России может вести к центробежным тенденциям⁵.

Политический анализ институтов российского федерализма предпринят в работах Р.Ф. Туровского, Н.П. Медведева, Д.В. Доленко, А.В. Баранова и др.⁶. Конфликтный потенциал институтов федерализма выявлен усилиями В.А. Авксентьева, А.Р. Аклаева, В.А. Ачкасовой⁷. Геополитические аспекты российского федерализма раскрыты в работах В.М. Юрченко, И.В. Юрчен-

¹ Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000; Карапетян Л.М. Федерализм и права человека. М., 1999; Тадевосян Э.В. О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричных федераций // Государство и право. 1997. №8. С. 58-68.

² Филиппов В.Р. Блеск и нищета общественной этнофедералистики // Федерализм. 2003. №3. С. 177-194; Добрынин Н.М. Указ. соч.; Митрохин С.С. Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России // Центр – регионы – местное самоуправление. М.; СПб, 2001. С. 47-87.

³ Каспэ С.И. Империя как руина и строительный материал: «Nation-building» в современной России // Политическая наука. 2004. №3. С. 70-85; Добрынин Н.М. Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003.

⁴ Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм: К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. 2000. №5. С. 32-54.

⁵ Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М., 2001; Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.

⁶ Медведев Н.П. Политическая регионалистика и проблемы российского федерализма в условиях политического транзита // Политическая регионалистика: теория и практика. М., 2003. С. 20-33; Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2007; Доленко Д.В. Политика и территория: Основы политического регионоведения. Саранск, 2000; Баранов А.В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России. М., 2007.

⁷ Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. М., 2009; Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М., 2005; Ачкасова В.А. Региональный политический ландшафт России: столкновения интересов. СПб., 2002.

ко¹. Роль элит в институционализации органов власти федерации исследована в работах А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, А.К. Магомедова и др.²

Рецентрализация государственной власти 2000-х гг. вызвала острые дискуссии. Одни эксперты (В.Я. Гельман, В.А. Ковалев, Л.В. Смирнягин, М.Х. Фарушкин)³ резко критикуют перераспределение полномочий и предметов ведения в пользу центра, вплоть до признания России «унитарной федерацией». Другие авторы (В. Иванов, А.В. Усягин, А.Б. Зубов) радикально поддерживают рецентрализацию⁴. Взвешенную позицию занимают те эксперты (Я.А. Пляйс, М.Г. Миронюк, М.С. Ильченко, Л.И. Никовская), которые оценивают реформы 1999-2011 гг. как создание симметричной и более централизованной федерации⁵.

Институциональные реформы российского федерализма 2000-х гг. стали объектом внимания зарубежных политологов. Так, в Великобритании опубликованы сборники статей под редакцией К. Росса⁶, посвященные политическим реформам органов власти субъектов федерации в 2000-х гг. Важна монография Дж. Кана, анализирующая взаимосвязь федерализма и демократии в РФ⁷. П. Содерлунд и Х. Блэксруд выявляли потенциал глав исполнительной власти субъектов РФ быть «вето-игроками» по отношению к центру (са-

¹ Юрченко В.М. Концепция национальной безопасности и национальная идея // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2007. №4; Юрченко И.В. Безопасность как базовый концепт политической стратегии инновационного развития современной России. Краснодар, 2008.

² Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элиты на рубеже XX - XXI веков: особенности генезиса, взаимодействий и позиционирования во власти // Властные элиты современной России в процессе трансформации. Ростов н/Д, 2004. С. 96-114; Галлямов Р.Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в переходный период // Полис. 1998. №2. С. 108-115; Фарушкин М.Х. Региональные политические элиты: смена ролей // Властные элиты... С. 195-208; Магомедов А.К. Мистерия регионализма. М., 2000.

³ Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? // Полис. 2006. №2. С.90-109; Ковалев В.А. Федерализм и российская политика в рамках «управляемой демократии» // Демократия и федерализм в России. М., 2007. С.234-253; Смирнягин Л.В. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? // Федерализм и этническое разнообразие в России. М., 2010. С.44-59; Фарушкин М.Х. Усиление дисбаланса в российском федерализме // Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений. СПб., 2008. С.242-251.

⁴ Иванов В. Путин и регионы: Централизация России. М., 2006; Усягин А.В. Политическое управление и его территориальные аспекты: Российский опыт. Н.Новгород, 2005; Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм: к вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. 2000. №5. С.32-54.

⁵ Пляйс Я.А. Природа, генезис и современные особенности российского федерализма // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. СПб., 2008. С.121-126; Миронюк М.Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ. М., 2008. С.258-270; Ильченко М.С. Трансформация федеративной системы России: институциональный аспект // Демократия и федерализм в России... С.217-233; Никовская Л.И. Проблемы противоречивого взаимодействия централизации и децентрализации в современной России // Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений... С.226-242.

⁶ *Regional Politics in Russia* / Ed. by C. Ross. Manchester, 2002; *Russian Politics under Putin* / Ed. by C. Ross. Manchester, 2004.

⁷ Kahn J. *Federalism, Democratization, and the Rule of Law in Russia*. Oxford, 2002.

мостоятельными политическими субъектами, способными блокировать решения федеральной власти)¹.

Разделение властей «по вертикали» между федеративным государством и субъектами федерации осмысливается в работах Д. Элазара, П. Кинга, И. Дукачека, Р. Уоттса, М. Бёрджесса и Ф. Грэсса². Разграничение полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами проанализировано усилиями М.Х. Фарукшина, В.Е. Чиркина, И.А. Умновой-Конюховой, Р.Ф. Туровского, П.А. Федосова, Н.В. Петрова, А.А. Захарова³.

Обширная совокупность публикаций включает в себя теоретические исследования государственной власти субъектов федерации, прикладные работы об институциональном строении и развитии органов власти республик РФ. Сложилась научная традиция анализа основных институтов власти: парламентов, высших должностных лиц (глав исполнительной власти), правительств (администраций), отраслевых ведомств. Исследование политической институционализации органов власти неизбежно связано с иными направлениями политической науки: анализом федерализма, элитологией, электоральной политологией.

Системное исследование субнациональной политической власти провели В.Я. Гельман, Р.Ф. Туровский, А.П. Овчинников, С.В. Бирюков⁴. Специфика системы органов власти республик РФ раскрыта усилиями М.А. Аюпова, В.В. Боера, И.Г. Горбачёва, П.Б. Кононенко, А.В. Сидоренко, Е. Е. Кочеткова⁵. На материалах отдельных республик системные исследования институ-

¹ Soderlund P. The Dynamics of Federalism in Russia. The Study of Formal and Informal Resources of the Regional Chief Executives in Russian Center-Region Relations. Abo, 2006; Blakkisrud H. Medvedev's New Governors // Europe-Asia Studies. Glasgow, 2011. Vol.63. Issue 3. P. 367-395.

² Элейзер Д. Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. №5. С.106-115; Кинг П. Классифицирование федераций // Полис. 2000. №5. С.7-18; Duchacek I.D. The Territorial Dimension of Politics: Within, Among and Across Nations. Boulder, London, 1986; Watts R. L. Comparing Federal Systems. Montreal, Kingston, London; Ithaca, 1999; Бёрджесс М., Грэсс Ф. Федерализм и федерация: государство порядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. №2. С.102-108.

³ Фарукшин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. М., 2004; Чиркин В.Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма // ОНС. 2003. №3. С.66-72; Умнова-Конюхова И.А. О конституционно-правовой основе разделения государственной власти между федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением // Центр - регионы - местное самоуправление. М.; СПб., 2001. С.29-46; Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2007; Федосов П.А. Перспективы российского федерализма: федеральные округа, региональные режимы, муниципалитеты // Полис. 2002. №4. С.159-183; Петров Н.В. Федерализм по-русски // Pro et Contra. 2000. Т.5. №1. С.7-33; Захаров А.А. E Pluribus Unum. М., 2003.

⁴ Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 87-105; Туровский Р.Ф. Центр и регионы...; Овчинников А.П. Политическая регионалистика. Самара, 2002; Бирюков С.В. Региональная политическая власть: от концептов к интегративной модели // Вестник Моск.ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2003. №1.

⁵ Аюпов М.А. Этнополитический фактор в современном развитии российских регионов. Уфа, 2008; Боер В.В. Национальный субъект федерации в многоэтническом Российском государстве. СПб., 2009; Горбачев И.Г. Конституционное равноправие и дифференциация типов субъектов Российской Федерации // Учен. записки Казанск. гос. ун-та. Серия «Гуманитар. науки». 2007. Т. 149. Кн. 6. С. 48-57; Кононенко П.Б. Политические факторы конституционного строительства в республиках Российской Федерации // Полис. 2003. №6. С. 135-143; Сидоренко А.В. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России. М., 2010. С. 94-

ционализации власти провели О.И. Зазнаев и В.В. Михайлов, В.А. Ковалев, А.М. Буранчин и А.Ш. Бадранов¹. Институциональное строение и ресурсы органов власти субъектов РФ оцениваются в работах политологов С.В. Бирюкова, Д.Л. Суркова, В.В. Гошуляка, А.В. Баранова², государствоведов М.Х. и А.М. Фарукшиных, И.В. Лексина и О.А. Тарасова, А.Н. Лебедева³.

Анализ институционализации законодательных собраний субъектов РФ проведен А.С. Автономовым, А.А. Захаровым, Е.М. Орловым⁴; А.Ю. Глубоцкий, А.В. Кыневым⁵. Парламентаризм в республиках изучен неравномерно. Можно отметить работы З.Г. Хамитовой, В.Г. Азнагулова, С.Н. Лаврентьева, В.Л. Савичева (Башкортостан)⁶. Детально изучен опыт законодательной власти в Саха-Якутии (работа Д.Н. Миронова)⁷.

Повышенное внимание привлекает исполнительная власть. Соотношение формальных и реальных полномочий администраций выявлено А.Е. Чириковой, К. Стоунер-Вайсс⁸. Компетенция и организационное строение исполни-

111; Кочетков Е.Е. Республики в системе взаимоотношений «центр – регионы»: политологический анализ российского и зарубежного опыта. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

¹ Зазнаев О.И. Организация государственной власти в Республике Татарстан: проблемы и противоречия // Политэкс. СПб., 2010. Т.6. №2. С. 7-27; Михайлов В.В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? М., 2004; Ковалев В.А. Политика, власть и бизнес в Республике Коми: современные проблемы. Сыктывкар, 2005; Буранчин А.М., Бадранов А.Ш. Республика Башкортостан в системе российского федерализма. Уфа, 2009; Гревингхольт Й. Республика Башкортостан: через государственный суверенитет к авторитарному режиму. Уфа, 2004.

² Бирюков С.В. Региональная политическая власть: от концептов к интегративной модели...; Сурков Д.Л. Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации. Иркутск, 1999; Гошуляк В.В. Государственная власть субъектов Российской Федерации. М., 2001; Баранов А.В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России. М.; Краснодар, 2005. С.37-93.

³ Фарукшин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. М., 2004; Фарукшин М.Х., Фарукшин А.М. Субъекты федераций: сравнительное исследование. Казань, 2009; Лексин И.В., Тарасов О.А. Система органов государственной власти субъектов федерации. Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти // Федерализм в России и Канаде / С.В. Кабышев и др. М., 2009. С. 201-244; Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации (основы концепции, конституционная модель, практика). М., 1999.

⁴ Автономов А.С. Региональные парламенты в современной России / А.С. Автономов, А.А. Захаров, Е.М. Орлов и др. М., 2000; Саломаткин А.С., Шубина Е.В. Формирование законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 2007.

⁵ Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. 2003. №6. С.71-87.

⁶ Хамитова З.Г. Опыт и проблемы становления и развития парламентаризма в Башкортостане. Уфа, 2004; Азнагулов В.Г., Лаврентьев С.Н., Савичев В.Л. Парламентаризм в Башкортостане: традиции и тенденции развития. Уфа, 2005.

⁷ Миронов Д.Н. Государственное Собрание (Ил Тумэн) – парламент Республики Саха (Якутия). Якутск, 2009.

⁸ Чирикова А.Е. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные // ОНС. 2004. №3; Stoner-Weiss K. Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton, 1997.

тельной власти интерпретированы Н.А. Игнатюк, И.А. Полянским¹. Специфика исполнительной власти в республиках раскрыта З.И. Гадыльшиной².

Важным направлением анализа стало исследование институционализации политико-административных элит республик. Можно выделить по системности и перспективности работы А.Е. Чириковой, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, А.А. Санглибаева, А.И. Новиченко, О.В. Гончаренко³.

Наиболее изучен институт высшего должностного лица субъекта федерации, что объясняется его повышенными ресурсами власти. Он анализировался Н.С. Слепцовым, Г.В. Голосовым, П.И. Гаркуша⁴. Дискуссию вызвал переход от прямых к косвенным выборам губернаторов в 2005-2007 гг. Изменения политического статуса и ролей глав регионов, их взаимоотношений с федеральными и региональными акторами политики выявлены Л.Н. Верчевым, В.А. Ковалевым, П.А. Кадочниковым, Дж. Гуди, А.В. Кыневым и др.⁵ Институт президентства в республиках изучается и в аспекте политического лидерства (работы К.С. Идиатуллиной, А.В. Малашенко, М.Х. Фарушкина)⁶.

Система взаимодействий органов государственной власти субъектов федерации может быть выявлена благодаря категории «политический режим». Неоинституциональная методика анализа региональных режимов в России обоснована коллективом авторов под руководством В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова и М. Бри⁷. Нормативистская методика сравнения режимов предло-

¹Игнатюк Н.А. Компетенция органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. М., 1999; Полянский И.А. Организация исполнительной власти субъекта Российской Федерации. М., 2001.

²Гадыльшина З.И. Исполнительная власть в республиках Российской Федерации // Учен. записки Казанск. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2009. Т. 151. Кн. 4. С. 53-60.

³Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М., 2010; Понеделков А.В. Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. XX в. и 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспекты анализа). Ростов н/Д, 2005; Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные этнократические элиты Юга России // Власть и элиты в современной России. СПб., 2003. С. 309-318; Санглибаев А.А. Этноклановость на постсоветском пространстве // Полис. 2007. №6; Новиченко А.И. Региональные этнократические элиты: тенденции формирования и специфика политической деятельности (на примере ЮФО). Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2009; Гончаренко О.В. Региональная политическая элита: перспективы кадровой реформы Дмитрия Медведева // Демократия. Власть. Элиты. Демократия vs элитократия. М., 2010. С. 183-198.

⁴Институт губернатора в России: традиции и современная реальность / Под ред. Н.С. Слепцова. М., 1997; Голосов Г.В. Губернаторы и партийная политика // Pro et contra. 2000. Т.5. №1. С.96-108; Гаркуша П.И. Правовой статус губернатора в России. Ростов н/Д, 2004.

⁵Политическая наука: Губернаторы в России: От выборов к назначениям / Ред. и сост. Л.Н. Верчев, В.А. Ковалев. М., 2007; Проблемы перехода от выборности к назначаемости губернаторов / С.Г. Синельников-Мурылев и др. М., 2007; Goode J.P. The Puzzle of Putin's Gubernatorial Appointments // Europe-Asia Studies. Glasgow, 2007. Vol. 59. №3; Кынев А.В. Роль губернаторов в российской политической системе // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб.ст. М., 2010. С.112-133.

⁶Идиатуллина К.С. Региональное политическое лидерство // Российская политическая регионалистика. Казань, 2011. С. 84-99; Малашенко А.В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. М., 2009; Фарушкин М.Х. Лицо и маска: заметки о политическом лидерстве в Татарстане, 1989-2005 гг. Казань, 2005.

⁷Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В.Я. Гельмана, С.И.

жена А.С. Кузьминым, Н. Мелвином и В.Д. Нечаевым¹. Сочетание бихевиорального и неонинституционального анализа режимов характерно для работ Р.Ф. Туровского. Он обоснованно доказывает сохранение плюрализма режимов в России, хотя их зависимость от федерального уровня власти и стандартизация качественно возросли. Р.Ф. Туровский концентрирует внимание на неформальных практиках распределения власти и структурирования акторов, делении элит на группы влияния.

В ряде случаев (Северный Кавказ, Среднее Поволжье) этнократия и клановость качественно деформируют институты власти, рождая монархические режимы. Практики институционализации органов власти авторитарны, как доказывают Ж.Т. Тощенко, В.А. Тишков, Х.Г. Тхагапсоев, А.В. Лубский². Политическая трансформация институтов власти в республиках Северного Кавказа осмысливается в работах Т.Н. Литвиновой, И.М. Сампиева, Л.В. Батиева, Э.Ф. Кисриева и др.³ Системный анализ этнополитических и конфликтологических аспектов институционализации власти республик Северного Кавказа провели Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов, Л.Л. Хоперская, Г.С. Денисова, А.Н. Смирнов,⁴ В.А. Авксентьев, Э.Т. Майборода и др.⁵ Стал традицией выпуск аналитических материалов, предназначенных для повышения эффективности институтов власти на Северном Кавказе⁶.

Итак, анализ степени изученности темы доказывает, что проблемы политико-институциональной организации российского федерализма остаются в центре внимания специалистов. Наиболее изучены нормативные аспекты

Рыженкова, М. Бри. М., 2000.

¹ Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. №3. С.142-155.

² Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. М., 2003; Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (Этнография чеченской войны). М., 2001; Тхагапсоев Х.Г. Этнический этатизм в социально-политическом бытии современной России // Этнотатизм и этнократия на Юге России. Ростов-н/Д, 2006. С.9-23; Лубский А.В. Лики этнократии // Там же. С.24-47.

³ Литвинова Т.Н. Институты власти на Северном Кавказе: опыт и уроки политической трансформации (1989-2008 гг.). Краснодар, 2009; Сампиев И.М. Институционализация самоопределения народов в политических процессах на Северном Кавказе в постсоветский период. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Краснодар, 2009; Батиев Л.В. Этнический принцип в формировании органов государственной власти республик Северного Кавказа / Л.В. Батиев, О.А. Белоусова, И.В. Пашенко // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов н/Д, 2008. С. 199-205; Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.

⁴ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: Новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М., 2004; Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1996; Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов н/Д, 1996; Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001.

⁵ Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев, Л.В. Батиев. В 5 т. Ростов н/Д, 2006-2011; Авксентьев В.А. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В.А. Авксентьев, С.Н. Зинев, Д.А. Лавриненко, О.И. Лепилкина, Э.Т. Майборода. Ростов н/Д, 2011.

⁶ Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. В 2 ч. / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д, 2010; Проблемы Северо-Кавказского федерального округа. М., 2010; Рудой В.В. Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма. Ростов н/Д, 2010.

функционирования власти субъектов РФ. Но дискуссионны проблемы политических реформ, институционализации органов власти на субнациональном уровне. Малоизученна роль разграничения полномочий и предметов ведения, разделения властей в определении политического статуса власти. Политическое взаимодействие органов законодательной и исполнительной власти в ходе их институционализации исследовано фрагментарно. Преобладают правовые и государственно-управленческие трактовки проблемы. В сравнительном аспекте тема только начинает изучаться. Доминируют работы, выполненные на примере отдельных субъектов РФ, а не всей совокупности республик. Этим объясняется выбор ракурса исследования – сравнительного анализа политической институционализации органов власти республик РФ.

Объект диссертационного исследования – политическая институционализация органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Предмет диссертационного исследования – тенденции и закономерности политической институционализации органов государственной власти республик Российской Федерации (1991-2011 гг.).

Хронологические рамки работы включают постсоциалистический период (1991-2011 гг.), когда происходит становление и реформирование российского федерализма.

Территориальные рамки диссертации включают в себя 21 республику Российской Федерации. По мере необходимости проводится кросс-национальный сравнительный анализ институционализации органов власти федерации в странах мира, исследуются взаимодействия органов государственной власти общероссийского (федерального) и республиканского (регионального) уровней.

Цель диссертационного исследования – определить закономерности и тенденции развития политической институционализации системы органов государственной власти республик Российской Федерации в постсоциалистический период (1991-2011 гг.).

Реализация цели требует решить ряд взаимосвязанных задач работы:

- дать авторскую трактовку сущности и видов политической институционализации;
- установить институциональный дизайн органов государственной власти субъектов федерации в системе государственной власти;
- выявить параметры моделей взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровней в современном мире;
- раскрыть содержание этапов институционализации органов власти субъектов Российской Федерации в постсоветский период;
- определить задачи, направления и перспективы реформы постсоветского федерализма в России (1999 - 2011 гг.);
- выявить тип разделения властей в институциональном строении системы органов власти субъектов РФ;
- определить факторы выбора статуса республик как вида субъектов федерации и модели формы правления в республиках РФ;

- выявить тенденции развития парламентаризма в республиках на протяжении постсоветских реформ;
- установить различия этапов развития института высшего должностного лица республики – субъекта РФ;
- определить направленность политических трансформаций органов исполнительной власти в республиках Российской Федерации;
- раскрыть тип формирования политического статуса республик Северного Кавказа в постсоветских условиях;
- выявить типологию институционального развития законодательных органов власти республик Северного Кавказа в постсоветский период;
- установить общие закономерности и специфику институционализации президентства в республиках Северного Кавказа (1991–2011 гг.).

Теоретико-методологическая основа работы включает в себя общенаучные принципы, методологические подходы и методы. Применены общенаучные принципы диалектики и историзма. На уровне теоретических подходов применены неинституциональный, системный, сравнительный анализ. Их использование позволило оценить политическую институционализацию органов власти как закономерное проявление трансформации политической системы. Наиболее продуктивными в исследовании темы являются институционализм и теории политического процесса.

Неоинституционалисты (Д. Норт, Дж. Марч, Й. Ольсен) рассматривают политические институты как «правила игры» в обществе, то есть общепринятые формы взаимодействий, которые упорядочивают отношения между политическими акторами и задают структуру мотивов повседневного поведения¹. Дж. Марч и Й. Ольсен подчеркивают роль норм и ценностей в способах функционирования политических систем. Политические институты трактуются как относительно независимые переменные политического процесса. Неоинституционализм дает возможность учесть роль «траектории предшествующего развития», установить баланс формальной и неформальной институционализации органов власти. Данный подход позволяет восполнить ограниченность правовых трактовок федерализма.

Предпочтение отдано нормативному неоинституционализму. Он рассматривает институты в качестве формальных и неформальных процедур, норм и соглашений, определяющих устойчивые практики политического действия. В диссертации применены принципы и алгоритмы современного неоинституционализма: принцип «тропы зависимости» от предшествующего развития. Применена модель политической институционализации по С. Хантингтону².

Исторический неоинституционализм применим ввиду высокой роли этнорелигиозных традиций и норм в республиках России сравнительно с административно-территориальными субъектами РФ. Он позволяет уделить больше внимания социокультурным детерминантам властного строительства,

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; March G., Olsen J.P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. N.Y., 1989.

² Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С.52–53, 32.

чем теории рационального выбора и нормативизм. Применен и ряд принципов институционализма рационального выбора. Отношения «центр – регионы» оцениваются в ракурсе соотношения издержек и прибыли игроков на политическом рынке¹.

Системный подход (Д. Истон, Т. Парсонс)² позволил анализировать развитие органов государственной власти субъектов федерации в целостной совокупности элементов системы власти, в их взаимодействии между собой, а также с системами иных пространственных уровней (системой федеральных органов власти, местным самоуправлением), с общественными факторами и средой институционального дизайна власти.

Применен сравнительный политический анализ (Д. Аптер, Л. Уайтхед, А. Лейпхарт)³. Работа выполнена в русле сравнительного федерализма (Д. Элазар, В.Е. Чиркин, А.А. Захаров)⁴. Проведено кросс-темпоральное сравнение моделей государственной власти (1991-2011 гг.). Проведено ретроспективное сравнение современной модели государственной власти с предшествующими. Ввиду многочисленности единиц анализа (21 республика) проведена типологизация субъектов федерации по ряду критериев: институциональному дизайну системы власти, этническому составу населения, уровню социально-экономического развития.

Политико-институциональные реформы российского федерализма проанализированы на основе концепции модернизации (Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон)⁵. Выявлено влияние долгосрочных и ситуативных факторов на институционализацию органов власти на основе модели «воронки причинности» (А. Кэмпбелл)⁶.

Проведен вторичный анализ материалов социологических опросов по вопросам институционализации власти субъектов федерации. К ним относятся итоги анкетного опроса «Элиты и будущее России: взгляд из регионов» (Северо-Кавказская академия государственной службы, июль-сентябрь 2007 г., 14 регионов, выборка 1600 чел.)⁷; итоги экспертного опроса «Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии» (Южный научный центр РАН, 2006-2010 гг., 23 региона, 71 эксперт)⁸. Проанализиро-

¹Панов П.В. Институционализм рационального выбора // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006. С. 64-73.

²Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 630-642; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

³Аптер Д.И. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления ... С. 361-389; Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации // Там же. С. 345-360; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997.

⁴Элейзер Д. Дж. Указ. соч.; Чиркин В.Е. Новые подходы теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность. 2003. №3. С. 66-72; Захаров А.А. Указ. соч.

⁵Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. М., 1999; Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М., 2003.

⁶Campbell A., Converse Ph. E. The American Voter. N.Y., 1980.

⁷Российская элита в зеркале социологии. Информ.-аналитические материалы / Авт. кол.: А.В. Понеделков и др. Ростов н/Д, 2007.

⁸Авксентьев В.А. Региональная конфликтология: экспертное мнение / В.А. Авксентьев, Г.Д.

ваны итоги анкетного опроса «Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках» (Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 4 региона, 2010 г., 1600 респондентов).¹

Применены количественные методы интерпретации итогов Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. (построение вариационных и динамических рядов). Они необходимы для анализа этнического состава населения, итогов голосования на выборах, динамики экономического и социального развития республик РФ. Использован также метод анализа текстов на материалах нормативно-правовых актов РФ и ее субъектов.

Эмпирическая основа исследования состоит из видов документов:

- законодательных актов Российской Федерации (Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, Концепции государственной национальной политики Российской Федерации);

- постановлений Конституционного Суда Российской Федерации;

- указов Президента Российской Федерации;

- нормативно-правовых актов органов исполнительной власти Российской Федерации;

- законодательных актов республик в составе РФ, регулирующих систему органов региональной власти: их структуру, порядок формирования, компетенцию, роль в политическом процессе;

- статистических данных Всероссийской переписи населения и текущего статистического учета, итогов голосования на выборах, ежегодных отчетов Госстата об итогах развития субъектов федерации);

- документов политических партий и движений в республиках РФ;

- выступлений политических деятелей (Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ, интервью, речей, отчетных докладов);

- материалов периодической печати (газет, журналов, Интернет-ресурсов).

- воспоминаний политических деятелей;

- опубликованных результатов социологических исследований, проведенных исследовательскими центрами;

- Интернет-сайтов органов государственной власти субъектов федерации (законодательных собраний, правительств, ведомств);

- опубликованных сборников документов.

Сравнительный анализ моделей политической институционализации потребовал выявить в политической направленности каждого вида источников влияние интересов и стратегий политических субъектов, сопоставить фор-

Гриценко, А.В. Дмитриев. М., 2007; они же. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев. М., 2008.

¹ Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках: Итоговый аналитический доклад. М., 2011.

мальные полномочия органов власти с их реальной ресурсной базой и диспозициями в политической системе.

Систематизация и критический анализ совокупности источников дали возможность выявить модель взаимодействий ветвей региональной власти в проведении политических реформ. Так, анализ законодательных и подзаконных актов позволил выявить нормативные полномочия органов власти, процедуры их официальных взаимоотношений. Документы политических партий и выступления их лидеров дали возможность раскрыть цели реформ, формы работы партийных фракций в законодательных собраниях. Статистические данные и итоги социологических опросов сообщения периодической печати характеризуют степень эффективности участия органов власти в реформах, выявляют неформальные политические практики взаимодействия органов власти. Изучение опубликованных итогов выборов дало возможность оценить уровень доверия общества органам государственной власти, установить степень эффективности региональных органов власти в реализации политических реформ, выявить «слабые места» в деятельности ветвей власти. Эти же виды источников в сочетании с биографиями политических деятелей (президентов республик РФ, руководителей подразделений исполнительной власти, депутатов законодательных собраний) раскрывают кадровый потенциал институциональных реформ.

Научная новизна диссертационного исследования такова:

- дана авторская трактовка сущности, видов политической институционализации;
- установлен институциональный дизайн органов государственной власти субъектов федерации в системе государственной власти;
- выявлены общие и специфические черты национальных моделей взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровней в государствах современного мира;
- сравнены этапы институционализации органов власти субъектов Российской Федерации в постсоветский период;
- определены задачи, направления и перспективы реформы постсоветского федерализма в России (1999–2011 гг.);
- выявлен тип разделения властей в институциональном строении системы органов власти субъектов РФ;
- определены факторы выбора статуса республик как вида субъектов федерации и модели формы правления в республиках РФ;
- выявлены тенденции развития парламентаризма в республиках на протяжении постсоветских реформ;
- установлены этапы эволюции института высшего должностного лица республики в составе РФ;
- определена направленность политических трансформаций органов исполнительной власти в республиках Российской Федерации;
- раскрыт тип формирования политического статуса республик Северного Кавказа в постсоветских условиях;

- выявлена типология институционального развития законодательных органов власти республик Северного Кавказа в постсоветский период;
- установлены общие закономерности и специфика институционализации президентства в республиках Северного Кавказа (1991–2011 гг.).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политическая институционализация трактуется нами как закономерный процесс изменений политической системы либо ее отдельных компонентов, путём которого организация и процедуры деятельности становятся устойчиво воспроизводимыми и легитимными в обществе. Институционализация системы органов власти относится к уровню институционализации политического порядка в целом, а не отдельных структур со специализированными функциями. Типология видов политической институционализации системы органов власти дана по ряду критериев: уровню политического участия и степени модернизированности общества, мере интеграции общества, степени адаптивности норм и ценностей политической культуры. Политический ракурс исследования государственной власти предполагает акцент на выявлении субъектов власти, их социально обусловленных политических интересов и стратегий деятельности, ресурсов влияния. Императивы глобализации делают государственную власть все более полисубъектной и многообразной по структуре, функциям, технологиям. Качественно возрастает роль коммуникативной и политико-культурной компонент власти, обеспечивающих ее легитимность.

2. Институциональный дизайн государственной власти в современных федерациях предполагает двухуровневое строение, закрепленное конституционно. Федеральный и субнациональный уровни государственной власти образуют единую систему, их полномочия автономны и законодательно гарантированы. Органы государственной власти субъектов федерации имеют фиксированные полномочия и предметы ведения; они формируются путем выборов. Представительство интересов населения субъектов федерации обеспечено в общегосударственном парламенте. Важным аспектом институционального дизайна является наличие или отсутствие межрегиональных различий организации субнациональной власти. В одних государствах во всех субъектах федерации – единство организации субнациональной власти. Как правило, ее стандарт определен в конституции. В других странах ситуация на уровне региональной власти характеризуется асимметрией и субъекты федерации имеют различные формы ее организации. Симметричная форма институционального строения и объема полномочий субъектов федерации способствует политической централизации государства, асимметричная – децентрализации.

3. Общие черты взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровней в современных федерациях состоят в взаимозависимости институтов центральной и субнациональной власти, системе сдержек и противовесов между уровнями власти (по аналогии с системой сдержек и противовесов между ветвями власти); в сотрудничестве уров-

ней власти посредством институтов регионального участия в принятии властных стратегических решений и централизованного контроля. Атрибутивными параметрами баланса отношений «центр - регионы» являются: соотношение объемов полномочий (компетенции), определенное конституцией и федеральными законами или двусторонними договорами; потенциал и ограничения централизованного контроля на субнациональном уровне, а также регионального участия в общегосударственной политике.

Специфические черты национальных моделей взаимодействия уровней власти в федерациях мира определены по критерию строения субнациональной исполнительной власти. Выделены: модель выборного губернатора и парламентская модель. Первая из них (в США, Швейцарии, странах Латинской Америки) предполагает более сильную и персонифицированную власть, мандат доверия и высокий уровень легитимности, исходящей непосредственно от народа. Модель выборного губернатора характерна для президентских республик, является проекцией общегосударственной власти. Парламентская модель (в Бельгии, ФРГ) предполагает, что население субъекта федерации избирает только легислатуру. Легислатура формирует правительство региона и избирает подконтрольного главу правительства – руководителя исполнительной власти субъекта федерации. .

4. Установлены два этапа институционализации органов власти субъектов РФ в постсоветский период: децентралистский договорной 1990-х гг. и рецентрализаторский 2000-х гг. Модель федерализма 1990-х гг. в РФ оценивается как институциональный гибрид. «Импорт» федерализма в советский период, усиленный при распаде СССР, привел к диффузии заимствований и российского строя, формальные демократические и неформальные авторитарные институты интегрировались. Под влиянием политической культуры и неформальных практик шла адаптация принципов федерализма к условиям институциональной среды. Заимствованные институты федерализма модифицировали систему государственной власти РФ. Это закреплено в повышенной защищенности федерализма в Конституции, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти «по вертикали», принятии конституций (уставов) субъектов РФ, строении системы органов государственной власти на основе разделения властей. Постсоветская модель федерализма противоречива. Ее противоречия: между конституционным и договорным типом федерации, между симметрией и асимметрией статусов субъектов федерации, административным и этническим принципом состава, между федеральным контролем и полномочиями органов власти субъектов РФ. При слабости гражданского общества и демократии институциональный строй 1990-х гг. привел к чрезмерной децентрализации власти, к закреплению этнократических режимов в ряде республик.

5. Задачи реформы российского федерализма в 1999-2011 гг. – восстановление единства системы государственной власти, создание симметричной конституционной федерации. Цель реализуется по таким взаимосвязанным направлениям, как: повышение эффективности конституционного строя,

приведение региональных норм в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством, повышение арбитражной и контрольной функций Конституционного Суда РФ, изменение порядка представительства субъектов федерации в Совете Федерации РФ, стандартизация компетенций и формирование органов субнациональной власти, применение федерального вмешательства, создание федеральных округов и изменение состава субъектов федерации.

Реализация реформ сопровождается конфликтами из-за согласования противоречивых групповых интересов. В нормативном измерении изжит пагубный сепаратизм и конфедерализм 1990-х гг. Но тактика компромиссов между федеральной и субнациональными элитами имеет пределы эффективности. Республики - субъекты Российской Федерации отличаются от других регионов смешанными (административными и этническими) основаниями институционализации органов власти, асимметрией политических ресурсов влияния. Политическая практика ведет к дисбалансу полномочий в пользу исполнительной власти, усиливает тенденцию монополизма принятия решений. Перспективы реформы федерализма связаны с обеспечением эффективного баланса административно-экономического и этнического принципов строения органов власти, с уменьшением межсубъектных диспропорций ресурсов влияния, с реализацией транспарентности власти.

6. Модель взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации относится к президентскому типу разделения властей с ограниченно автономным статусом легислатуры. Данный тип определяется по совокупности индикаторов: статусы высшего должностного лица (губернатора); уровню контроля регионального собрания над администрацией; порядку формирования бюджета; порядку формирования и отставки администрации; кругу субъектов законодательной инициативы; праву вето на решения губернатора; степени партийного и идеологического плюрализма состава легислатуры.

Выявлено два основных этапа развития модели взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти в субъектах РФ. Для 1992–1999 гг. характерно многообразие типов разделения властей и политического статуса органов власти в российских регионах. С осени 1999 г. по настоящее время президентский тип разделения властей с ограниченно автономным статусом легислатуры институционализируется в качестве доминирующего. Преобладает тенденция сотрудничества органов власти субъектов РФ.

7. Преобладающие факторы выбора статуса республики как субъекта федерации: тип экономической и социальной структуры в советский период («институционального наследия»), этнический и религиозный состав республики, политизация этноконфессионального фактора в форме радикальных общественных организаций, степень влияния дестабилизирующих трансграничных акторов. Статус и институциональные системы власти республик РФ достигли устойчивости к прямым выборам глав республик (1996–1997 гг.). Не выявлена положительная корреляция между статусом республики и авто-

ритарным типом власти ее высшего должностного лица. К концу 1990-х гг. сложился устойчивый плюрализм типов разделения властей в республиках (с преобладанием президентского типа).

Переход к президентской форме правления в республиках РФ 2000-х гг. объясняется как рецентрализацией всей системы государственной власти Российской Федерации, так и распределением ресурсов власти на уровне территориальных сообществ. Данный тип разделения властей не является в формально-нормативном аспекте признаком силы либо слабости законодательных органов. Для выявления политического аспекта разделения властей введены дополнительные индикаторы: объем формальных полномочий ветвей власти и их неформального влияния.

8. Тенденции развития парламентаризма в республиках за постсоветский период проявляются в крайне низком до 2004 г. уровне представленности партий в региональных законодательных собраниях. 10 республик избирали фактически беспартийные парламенты. Выявлены значительные различия между уровнями партийности региональных парламентов. Республики склонны, в отличие от более урбанизированных областей и краев, к низкой, номенклатурной партийности либо к доминированию одной политической силы. После принятия федерального законодательства об обязательном внедрении смешанной системы (с июля 2003 г.) статус и политический состав парламентов серьезно изменились. Из региональных собраний ушли главы органов местного самоуправления, государственные и муниципальные служащие. Формирование не менее 50% депутатов по спискам всероссийских партий повысило интегрированность российского парламентаризма, заставило глав республик согласовывать решения с правящей партией. Повысился статус председателей законодательных органов. С 2005 г. легислатуры повысили свою роль в формировании корпуса высших должностных лиц. Партии, получившие большинство голосов на выборах, получили право рекомендовать кандидатуру в главы региона. Легислатуры становятся более структурированными и интегрированными в российскую политическую систему.

9. Определены этапы развития института высшего должностного лица (главы исполнительной власти) республик РФ. В ходе первого этапа (1991–1995 гг.) сложились исходные ресурсные базы власти и нормативные полномочия глав республик. Характерна асимметрия статусов президентов республик, избранных прямым всеобщим голосованием, в сравнении с главами администраций краев и областей, назначавшихся Президентом РФ. Полномочия и требования к кандидатам на должность президентов устанавливались в соответствии с конституциями республик и договорами о разграничении предметов ведения, а не по федеральным нормам. Президенты республик легитимировали власть в качестве глав государственных образований в составе РФ. В Чечне сложилась гиперпрезидентская модель разделения властей в рамках сепаратистского режима.

На втором этапе (1996–1999 гг.) политический статус президентов республик развивался инерционно, на основе доминирования исполнительной

власти и прямых альтернативных выборов (за исключением республик с парламентской формой правления). Многие полномочия президентов и требования к кандидатам в президенты продолжали противоречить Конституции России и федеральным нормам.

Третий этап (с 2000 г. по настоящее время) характеризуется снижением и стандартизацией политического статуса высших должностных лиц республик в соответствии с федеральными нормами. Это направление реформ проявилось в восстановлении верховенства конституционного порядка в Чечне, отмене участия глав республик в Совете Федерации РФ, введении их косвенных выборов, выдвижении кандидатур глав республик от общероссийских партий, сужении автономных экономических ресурсов их влияния.

10. Направленность политических трансформаций исполнительной власти в республиках РФ за постсоветский период состоит в переходе от поликратического к монархическому типу, от плюрализма форм правления и политических режимов к их унификации. Во всех республиках высшее должностное лицо получило руководящие полномочия в системе исполнительной власти субъекта РФ. В аспекте политического статуса максимальный вес высшего должностного лица достигнут в тех республиках, где совмещены должности высшего должностного лица и председателя коллегиального органа исполнительной власти (правительства, администрации). Другая модель означает разделение институтов высшего должностного лица (политического лидера) и председателя коллегиального органа (руководителя оперативного управления и исполнителя политической стратегии). Разделение политической ответственности в рамках исполнительной власти оправданно в республиках с двумя и более влиятельными этническими элитами, где для легитимности власти соблюдается принцип этнического представительства.

11. Формирование политического статуса республик Северного Кавказа в постсоветский период развивалось с преобладанием силовой стратегии взаимодействий акторов, имитации и последующей традиционализации формально-демократических институтов. Становлению демократических институтов препятствовал ряд структурных факторов: интересы этноэлит и многочисленные территориальные конфликты, социально-экономический кризис, этноклановость и влияние религиозных традиций. Политическая институционализация власти оказала противоречивое влияние на политический процесс. Система органов власти республик сформировалась под влиянием децентрализованного, этнического, договорного федерализма. Асимметричная и договорная модель федерации в 1990-х гг. поощряла этнополитическую мобилизацию, вызывая популярность суверенитета и этнопреференциального строения органов власти. Региональная правящая элита в 1990-х гг. автономно определяла порядок формирования органов власти, нормы и процедуры политического представительства.

За 2000-е гг. в итоге выбора политическими акторами компромиссных стратегий и перевода в латентное состояние насильственных конфликтов (чеченского и осетино-ингушского) в республиках Северного Кавказа сложи-

лось институциональное равновесие. Курс рецентрализации власти позволил восстановить её структурное и нормативное единство, преодолевать сепаратизм и этнократию. В ходе реформ произошло смещение позиций органов власти республик Северного Кавказа в сторону лояльности центру. Реформы 2000-х гг., направленные на восстановление единства институтов власти, в нормативном аспекте успешны. Преобладают компромиссные стратегии согласования интересов органов власти республик и федеральных органов власти. Курс рецентрализации позволил восстановить структурное и нормативное единство уровней власти, отчасти преодолеть сепаратизм и этнократию. Но демократизация политического порядка сдерживается сложившимися в республиках Северного Кавказа практиками: распределением власти между сегментированными элитами (корпоративным бизнесом, административной и этническими элитами), этнорелигиозным радикализмом.

12. Институциональное развитие законодательных органов власти в республиках Северного Кавказа совершалось по линии их соподчинения исполнительной власти и, в т.ч., президентству. Вариантами данного вектора стали насильственное «насаждение» (в Чечне 1991–1999 гг.) или неформальные практики «административного торга» (в остальных республиках). Постепенно институционализировались неформальные нормы: избрание депутатами директоров крупных предприятий и руководителей муниципального звена, ротация парламентских и административных элит, незначительное представительство партий и движений, клиентелизм, этнические квоты. Слабая законодательная власть выгодна административным элитам, так как способствовала укреплению их позиций.

В 2000-х гг. органы федеральной власти стремятся изменить сложившуюся на Северном Кавказе институциональную систему. Установлены новые правила выборов и деятельности законодательных собраний. Но введенное с 2003 г. распределение депутатских мандатов среди партий и их блоков (с 2005 г. – только партий) носит формальный характер и не может быстро отменить традиционные практики распределения власти. В электоральных процессах республик по-прежнему используется административный ресурс. Но партийные организации часто структурируются по этноклановому принципу, большинство депутатских мандатов по-прежнему распределяется между представителями крупного бизнеса и административной элиты. Институциональные инновации сдерживаются политическими практиками: распределением мест в парламентах между бизнесом и административной элитой и сохранением этнического квотирования.

13. Общие закономерности институционализации президентства в республиках Северного Кавказа в 1990-е гг.: нормативное закрепление за республиканской властью претензий на суверенитет; сохранение власти представителей номенклатуры; всенародные выборы президента позволили административным элитам республик повысить статус, но ограничил действия других политических акторов. Но «импорт» связан с существенными издержками: необходимостью самостоятельно решать социально-

экономические проблемы, сдерживать натиск оппозиции, соблюдать нормативные сроки пребывания на руководящих постах.

Новые институциональные ограничения, установленные федеральной властью в 1999–2004 гг., доказали несостоятельность повышенного статуса президентства в республиках в силу дотационного характера экономики регионов. Во время выборов 2002–2004 гг. возросло влияние центра на избрание президентов республик Северного Кавказа. На смену представителям номенклатуры начали приходиться предприниматели, федеральные госслужащие и сотрудники правоохранительных органов, важным условием победы на выборах стала поддержка кандидата со стороны центра.

В итоге реформ 2000-х гг. в северокавказских республиках роль федерального центра в организации исполнительной власти усилилась, статус глав республик значительно снижен. Отмена прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ позволила федеральной власти непосредственно влиять на наделение полномочиями глав республик. Статус президентов республик значительно снижен. Президенты республик из самостоятельных лидеров превратились в проводников курса российской власти, соподчиненных Президенту России и полномочному представителю Президента РФ в федеральном округе. Сменившие лидеров «назначенцы» не имеют достаточных ресурсов для возврата договорной децентрализованной модели отношений с федерацией. Косвенное избрание высших должностных лиц республик стало инструментом в борьбе с клиентелизмом и коррупцией.

За 2005–2011 гг. произошла смена всех глав республик Северного Кавказа в соответствии с принятой в декабре 2004 г. процедурой косвенных выборов, но только в двух случаях – в Адыгее и Карачаево-Черкесии назначение новых руководителей было очередным. В остальных случаях отставка прежних глав республик была досрочной и инициированной из центра. Наибольшая нестабильность президентства отмечена в Дагестане и Карачаево-Черкесии. Это связано с острой конкуренцией этноклановых группировок и примерным равенством их ресурсного потенциала. Причины – депрессивное состояние экономики и социальной сферы, этнорелигиозный радикализм и терроризм, слабость общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа. Политическая институционализация исполнительной власти на Северном Кавказе, в отличие от федерации в целом, имеет радикально-конфликтотенный вид, а деятельность органов власти обретает антикризисный, а не модернизационный характер.

Научно-теоретическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы и выводы вносят вклад в развитие сравнительной политологии и исследований политического процесса в современной России. В диссертации обоснована концепция политической институционализации органов государственной власти в субъектах Российской Федерации. Уточнены понятийный аппарат и методики анализа политической институционализации органов государственной власти, политических исследований федерализма.

Прикладное значение диссертации. Результаты исследования могут быть применены органами государственной власти, политическими партиями, государственными служащими Российской Федерации в ходе реформирования федерализма. Положения и рекомендации исследования применимы в совершенствовании законодательной базы регулирования федеративных отношений, в реализации административной реформы в республиках РФ, в демократизации избирательной системы. Материалы работы могут быть полезны для преподавания в вузах дисциплин «Сравнительная политология», «Политические отношения и политический процесс в современной России», «Государственная политика и управление».

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации изложены в сообщениях соискателя: на Всероссийской научно-практической конференции «Репрессированные народы: история и современность» (Элиста, 1992 г.); Всероссийской конференции «Роль духовно-нравственных ценностей ингушского народа в социально-экономическом развитии республики» (Нальчик, 1996); Втором Международном конгрессе «Мир на Кавказе через языки, образование, культуру» (Пятигорск, 1998), научно-практической конференции «Ингушетия на пороге нового тысячелетия» (Назрань, 2000); Всероссийской научной конференции «Образование и развитие многонационального государства в России» (Элиста, 2002); Международной конференции «Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы национального возрождения» (Элиста, 2003); Всероссийской конференции «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе» (Элиста, 2007); научно-практической конференции «Вузовское образование и наука» (Магас, 2008); «Международной конференции «Актуальные проблемы истории Кавказа» (Махачкала, 2010); Всероссийской конференции «Политические институты и процессы: теория и практика» (Омск, 2010); Международной конференции «Кавказ – наш общий дом» (Ростов-на-Дону, 2010); Международной конференции «Государство и общество: проблемы взаимодействия» (Киров, 2011); Всероссийской конференции «Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (теории и практика)» (Махачкала, 2011); Всероссийской конференции «Реструктуризация современного российского общества» (Волгоград, 2011); Всероссийской конференции «Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе» (Липецк, 2011); Всероссийской конференции «Современные общественно-политические системы в условиях модернизации» (Орел, 2011); Международной конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии» (Новосибирск, 2011); Международной конференции «Экономика, экология и общество России в XXI столетии» (Санкт-Петербург, 2011); Всероссийской конференции «Исследование социально-экономических и политических институтов и процессов» (Киров, 2011); Всероссийской научно-практической конференции «Модернизация России: региональные особенности и перспективы» (Ростов-на-Дону, 2011).

Основные положения и выводы автора отражены в 45 публикациях по теме исследования общим объемом 56,6 п.л., в т.ч. 3 монографиях и 14 статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для апробации итогов диссертационных исследований.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Структура диссертации соответствует проблемно-логическому принципу индукции, реализует цель и задачи исследования. Работа состоит из введения, 4 глав, разделенных на 13 параграфов, заключения, библиографического списка и приложения, содержащего таблицы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее научной разработанности, формулируется объект и предмет, определяются цель и задачи, теоретико-методологическая и эмпирическая база работы, характеризуется ее научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, мотивируется теоретическая и практическая значимость полученных результатов, оценивается степень апробации исследования, кратко характеризуется структура работы.

Первая глава «Теоретико-методологические аспекты анализа политической институционализации органов государственной власти субъектов федерации» состоит из трех параграфов. В ней сравниваются концептуальные подходы к политической институционализации органов государственной власти субъектов федерации, выявляются ее виды и механизмы, сравниваются национальные модели взаимодействия органов государственной власти федерального и субнационального уровней, определены роли и функции органов государственной власти субъектов федерации в системе институционализации.

В первом параграфе первой главы «Политическая институционализация органов государственной власти федеративного государства как объект исследования» сравниваются основные современные концепции политической институционализации, аргументируется авторская позиция в пользу методологии нормативного неoinституционализма.

Политическая институционализация определена как закономерный процесс изменений политической системы, путём которого организация и процедуры деятельности становятся устойчивыми, легитимными в обществе. Институционализация системы органов власти относится к уровню институционализации политического порядка в целом, а не отдельных структур со специализированными функциями. Типология политической институционализации системы органов власти даётся по сочетанию критериев: уровня политического участия и степени модернизированности общества, меры инте-

грации общества, степени адаптивности норм и ценностей политической культуры.

Власть трактуется в качестве способности и возможности высокостатусных субъектов политики оказывать определяющее воздействие на распределение ресурсов в обществе, на поведение индивидов и их объединений. Государственная власть как вид власти носит публичный характер. Ее субъектами являются органы государственной власти, полномочия которых закреплены законодательно. Государственно-властные отношения отличаются высокой степенью институционализации. Политический ракурс исследования государственной власти предполагает акцент на выявлении субъектов власти, их социально обусловленных политических интересов и стратегий деятельности, ресурсов влияния. Императивы глобализации делают государственную власть все более полисубъектной и многообразной по структуре, функциям, технологиям. Качественно возрастает роль коммуникативной и политико-культурной компонент власти, обеспечивающих ее легитимность.

Федерализм, являясь типом политико-территориальной организации общества, включает в себя множество форм политических систем. Федерализм обеспечивает демократическую саморегуляцию общества путем конституционно закрепленного распределения публичной власти. Современный федерализм – это не только институциональная структура государства, но и тип политических отношений сотрудничества между всеми субъектами политического процесса, а также политическая культура согласования интересов.

Принципы современного федерализма предполагают верховенство общегосударственного законодательства в системе федеративных отношений; сотрудничество и партнерство между уровнями и субъектами политического управления; приоритет федеральных органов власти в принятии стратегических решений государства; многообразие форм и методов согласования интересов между центром и регионами; субсидиарность; превращение субъектов федерации в участников международных отношений глобального мира. Однако эти принципы приводят подчас к противоречивым последствиям за пределами высокоразвитых постиндустриальных стран. Децентрализация и усиление полномочий субъектов федерации могут при слабости гражданского общества, при конфронтационном типе сознания вести к политическим кризисам. Поэтому эффективность федерализма зависит от культурно-исторических условий страны, где он применяется.

Атрибутивными признаками современного федерализма в политическом аспекте следует считать: двухуровневую территориальную структуру государственной власти, конституционное разграничение полномочий и предметов ведения «центра» и субъектов федерации при обеспечении государственного единства; верховенство федеральной конституции; автономию федерального и регионального уровней государственной власти в пределах их конституционной компетенции.

Параграф второй первой главы «Национальные модели взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального

уровней» содержит итоги сравнительного анализа современных федераций в аспекте распределения компетенций между центром и регионами.

В федеративных государствах публичная власть имеет двухуровневое строение, закрепленное конституционно. В федеративном государстве возникает относительно автономная власть на уровне субъектов федерации, которая имеет определенные полномочия. Ее организация в различных федеративных государствах зависит от основных параметров организации территориального управления.

Федеральный (общегосударственный) и региональный (субнациональный) уровни государственной власти образуют систему, их полномочия законодательно гарантированы. Органы государственной власти субъектов федерации имеют определенные полномочия и предметы ведения; они формируются путем выборов. Как правило, система органов государственной власти субъектов федерации закрепляется в федеральном «рамочном» законодательстве. Его принципы и нормы конкретизируются в конституциях (уставах) субъектов федерации. Представительство интересов населения субъекта федерации обеспечено в общенациональном парламенте.

Важным является наличие или отсутствие межрегиональных различий в организации субнациональной власти. В одних государствах ситуация симметрична и во всех регионах действует один стандарт организации региональной власти. Как правило, стандарт задается в общегосударственной конституции. В других странах власть на внутригосударственном уровне асимметрична и субъекты федерации имеют различные формы ее организации.

Федерация, являясь сложносоставным государством, сталкивается с гораздо большим числом противоречий и конфликтов, чем другие территориально-политические системы. Основные факторы противоречий: 1) число субъектов федерации (рекордно большое число субъектов РФ уменьшает их влияние на общегосударственную власть, но делает их менее обеспеченными ресурсами власти); 2) различия в ресурсном потенциале (природном, экономическом, социальном, политико-властном, правовом), который перераспределяется путем налоговой, бюджетной, социальной политик; 3) конституционная защита прав субъектов федерации, формами которой бывают: изменение границ субъектов федерации с целью соответствия экономическому и языковому составу населения; передача федеральным властям под особую защиту меньшинств для их защиты от возможной дискриминации со стороны большинства, использование общегосударственных органов конституционного контроля; 4) межправительственные отношения, т.е. принятие решений и работа параллельных органов власти.

В третьем параграфе первой главы «Органы государственной власти субъектов федерации в системе институционализации власти: роль и функции» определено значение субнационального уровня власти в современных федерациях.

Стабильно функционирующая система «центр - регионы» предполагает взаимозависимость институтов центральной и региональной власти, наличие

сдержек и противовесов по вертикали (по аналогии с системой сдержек и противовесов в отношениях между ветвями власти, известной из теории демократии). Можно также говорить о взаимопроникновении центральной и региональной власти в связи с развитием институтов регионального участия и централизованного контроля. Речь идет о соотношении централизованного контроля и регионального самоуправления.

Важными параметрами отношений «центр - регионы» являются:

- соотношение объемов полномочий (компетенции), определенное конституцией и национальными законами или индивидуальными договорами и соглашениями (предназначенными для отдельных регионов);
- возможности и ограничения централизованного контроля на региональном уровне и регионального участия на национальном уровне.

Баланс отношений «центр - регионы» необходимо рассматривать в исторической динамике. В таком случае общенациональная территориально-политическая система, соответствующая отдельному государству, выглядит не статичной, а развивающейся во времени и пространстве. Предлагаемая концепция позволяет изучать политический процесс в контексте регионализации (децентрализации) и, напротив, централизации, определяя:

- в какую сторону (центра или регионов), в какой степени идет смещение баланса;
- имеет ли это смещение компенсаторный характер (когда сохраняется динамическое равновесие, т.е. усиление одной стороны хотя бы частично сочетается с усилением другой стороны) или же оно чревато разрушительными процессами для государства в целом (резкий сдвиг в сторону регионов) или для его территорий (жесткая централизация).

Модели организации субнациональной власти в федеративных государствах таковы. В любом федеративном государстве на данном уровне действует представительный орган власти. Учитывая, что в федерации ее субъекты имеют закрепленную компетенцию и занимаются нормотворчеством в ее рамках, в субъекте федерации существует легислатура. Главные различия между федерациями связаны с организацией исполнительной власти. Поэтому логичной представляется классификация моделей организации власти, исходя из организации исполнительной власти.

В этом случае проводятся прямые всенародные выборы губернатора, который является первым лицом субъекта федерации, персонифицируя власть. Понятие «губернатор» может считаться общим, поскольку наиболее часто используется для обозначения выборной должности первого лица в регионе, возглавляющего его исполнительную власть. Модель выборного губернатора ассоциируется с более сильной и персонифицированной региональной властью. Первое лицо региона обладает мандатом народного доверия и высоким уровнем легитимности, исходящей непосредственно от народа.

Модель выборного губернатора наиболее характерна для федераций, являющихся президентскими республиками. Эта модель является региональной проекцией модели общенациональной власти: на федеральном уровне насе-

ление избирает президента, на уровне субъектов федерации — губернатора. Распространена ситуация, когда при наличии на федеральном уровне института вице-президента, избираемого в паре с президентом, в регионах в паре с губернаторами избираются вице-губернаторы. Особенностью президентской модели (США, страны Латинской Америки) является высокий уровень развития регионального и местного самоуправления, равно как и регионального участия, в условиях федерализма, демократии и партисипаторной политической культуры. Баланс по вертикали создается благодаря особенностям президентской республики: сильная президентская власть на федеральном уровне уравнивается выборной губернаторской властью в штатах, оба уровня власти уравниваются сильным местным самоуправлением.

Парламентская модель предполагает, что население субъекта федерации избирает только легислатуру. В свою очередь, легислатура формирует правительство региона и избирает главу правительства — руководителя исполнительной власти субъекта федерации. Эту модель, в отличие от американской, можно назвать европейской, поскольку она распространена в таких федерациях, как Германия, Австрия и Бельгия. Особенностью модели Канады и Австралии является дуализм региональной власти, сочетающей элементы регионального самоуправления и централизованного управления. Население избирает легислатуру, по результатам выборов в которую формируется региональное правительство. С другой стороны, президент страны назначает губернатора, который является агентом центральной администрации. Данная модель наиболее характерна для Индии и Пакистана. Смысл этой модели заключается в более жестком централизованном контроле и более определенном прямом федеральном администрировании.

Вторая глава «Тенденции и закономерности политической институционализации органов власти субъектов Российской Федерации», состоящая из трех параграфов, посвящена выявлению типа политической институционализации региональной власти в современной России.

В первом параграфе второй главы «Сравнительный анализ этапов политической институционализации региональной власти в постсоветский период» установлены общие и специфические черты этапов институционального развития субнациональной власти в РФ. Постсоветская модель федерализма в России имеет устойчивую специфику, вызванную сочетанием долгосрочных и краткосрочных факторов. Эту систему можно считать институциональным гибридом. Формальные демократические институты, «импортированные» из стран Запада и неформальные авторитарные институты интегрировались в достаточно прочную систему. Под влиянием российской политической культуры и неформальных практик приоритетными стали задачи поддержания эффективного территориального управления, согласования этнополитических интересов между центром и регионами.

Проведенный анализ федерализма 1990-х гг. в РФ дает основание считать эту систему институциональным гибридом. Первоначальный «импорт» федерализма в советский период, усиленный на стадии распада СССР, привел к

взаимопроникновению заимствований и российского общественного строя, главная особенность постсоветского федерализма в том, что формальные демократические институты и неформальные авторитарные институты интегрировались в достаточно прочную систему. Под влиянием российской политической культуры и неформальных практик произошло переосмысление исходных принципов федерализма в смысле поддержания эффективного территориального управления, согласования политических интересов между центром и региональными элитами. Но заимствованные с Запада институты федерализма модифицировали исходную российскую систему, укоренили «запас» демократичности. Таковы повышенная защищенность федерализма в Конституции, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти «по вертикали», наличие конституций (уставов) субъектов РФ, строение системы государственной власти на основе разделения властей.

Постсоветская модель федерализма противоречива. Её базовые противоречия: между конституционным и договорным типом формирования государства, между симметрией и асимметрией статусов субъектов федерации, между административными и этнонациональными принципом субъектного состава, между федеральным контролем и полномочиями органов власти субъектов РФ. Эти противоречия при слабости гражданского общества и ценностей демократии привели к закреплению этнократических режимов в ряде республик и автономий, к опасной дезинтеграции государства.

Конституция РФ сочетает признаки конституционного и договорного федерализма. К конституционному типу относятся: верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории страны; единство системы государственной власти; наделение единым статусом и правовым равенством всех субъектов РФ. К договорной федерации относятся признаки: особый статус республик как национально-государственных субъектов, отсутствие запрета на отдельное республиканское гражданство, договоры о разграничении полномочий и предметов ведения, Федеративный договор как механизм легитимации государства.

Противоречия российского федерализма 1990-х гг. в институциональном аспекте:

- наличие в конституциях и уставах субъектов РФ норм, противоречащих Конституции РФ и федеральным законам;
- включение в договоры о разграничении предметов ведения и полномочий не только вопросов совместного ведения (что законно), а и предметов исключительной компетенции субъектов;
- отсутствие законодательных актов об общих принципах организации государственной власти в субъектах РФ, принципах и порядке разграничения компетенций;
- неопределенность статуса автономных округов;
- отсутствие механизма ответственности высших должностных лиц регионов за несоблюдение Конституции РФ и федерального законодательства;

– этнорегиональный сепаратизм.

В 1998–1999 гг. Россия подошла к точке выбора пути развития между конфедерализмом и подлинной федерацией, исключаящей этнократию и сепаратизм регионов. При слабости гражданского общества и ценностей демократии подобный институциональный тип федерализма быстро привел к опасной децентрализации государственной власти, к закреплению региональных этнократических режимов в ряде республик и автономий. Назрели коренные реформы всей системы постсоветского федерализма.

Во втором параграфе второй главы «Институциональные реформы федерализма в России (1990–2011 гг.): задачи, направления, перспективы» дана оценка преобразований федерализма за постсоциалистический период. Реформы федерализма в 1999–2010 гг. имеют целью восстановление единой системы государственной власти, создание симметричной конституционной федерации. Эти цели потребовали создать формы федерального контроля, ввести институт федерального вмешательства, сформировать новый состав субъектов федерации и территориальных органов исполнительной власти. Вместе с тем, тактика компромиссов между федеральной и региональной элитами имеет пределы эффективности.

Введен институт полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе, который координирует действия органов власти республик. Высшие должностные лица республик и председатели их представительных органов с 2001 г. не могли входить в Совет Федерации, отстранены от прямого участия в законотворчестве. Поправки, вносимые в закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации», установили новые «правила игры» для региональной системы власти, сделав невозможным возврат к «договорной модели» отношений. Предусмотрена ответственность руководителей республик за неисполнение федеральных законов, возможность их отрешения от должности Президентом РФ или отзыва голосованием граждан республики. В декабре 2004 г. отменены прямые выборы высших должностных лиц всех субъектов РФ, в т.ч. республик. Принципы формирования органов государственного управления республик определяются федеральной Конституцией и федеральными законами, которые закрепили новую институциональную систему, стали универсальными для всех территориальных и национальных субъектов РФ.

Принцип разделения властей является ключевым для обеспечения правового и демократического характера государственной власти. Он означает независимое формирование законодательной, исполнительной и судебной властей; последовательное разграничение их полномочий и равенство «веса» властных ресурсов; систему взаимного контроля («сдержек и противовесов»). Разделение властей в современных государствах строится по различным моделям: президентской, полупрезидентской, парламентской. Вместе с тем, разделение властей не означает их изоляцию и отсутствие согласования политической стратегии. Разделение властей предполагает взаимодействие вет-

вей власти в реализации политической стратегии государства посредством правовых и политических технологий.

Современная государственная власть сочетает применение властных отношений различного типа: доминирования и влияния, принуждения и добровольного сотрудничества. В современных правовых государствах взаимодействие органов власти носит не только регулятивный, но и информационно-коммуникативный характер. Данное взаимодействие включает в себя три этапа: совместную выработку решения, властное регулирование в целях реализации политического решения и обратную властную связь между субъектами взаимодействия. В итоге совершается изменение как системы субъектов власти, так и объектов властного регулирования.

Взаимодействие органов государственной власти происходит в конкурентной политической среде. На уровне субъектов федерации такой средой является региональная политика, целостная совокупность политических институтов, норм и видов взаимодействия, ориентаций политической культуры.

Третий параграф второй главы «Роль разделения властей в институциональном строении системы органов власти субъектов РФ» посвящен определению российской модели разделения властей на субнациональном уровне. Модель взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации относится к президентскому типу разделения властей с ограниченно автономный статус легислатуры. Данный тип определяется по совокупности индикаторов: статусы высшего должностного лица (губернатора); уровню контроля регионального собрания над администрацией; порядку формирования бюджета; порядку формирования и отставки администрации; кругу субъектов законодательной инициативы; праву вето на решения губернатора; степени партийного и идеологического плюрализма состава легислатуры.

Выявлено два основных этапа развития модели взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти в субъектах РФ. Для 1992–1999 гг. характерно многообразие типов разделения властей и политического статуса органов власти в российских регионах. С осени 1999 г. По настоящее время президентский тип разделения властей с ограниченно автономным статусом легислатуры институционализируется в качестве доминирующего. Преобладает тенденция сотрудничества органов власти субъектов РФ.

Третья глава «Тенденции политической институционализации органов власти в республиках Российской Федерации», состоящая из четырех параграфов, посвящена сравнительному анализу основных тенденций политической институционализации республиканских органов власти в течение их постсоветского развития.

В первом параграфе третьей главы «Институционализация статуса субъекта федерации и форм правления в республиках РФ» отмечается, что данный процесс объясняется рецентрализацией государственной власти в России, распределением ресурсов власти внутри региональных сообществ. Мы пришли к выводу о большой разнообразии региональных институтов

власти в 1990-х гг., об их сформированности ко времени конкурентных выборов глав республик (1996–1997 гг.), о высокой устойчивости систем власти республик РФ. Не выявлена положительная корреляция между статусом республики и авторитарным типом власти лидера. Больше влияют на дисбаланс полномочий ветвей власти тип экономической и социальной структуры, этнический и религиозный состав республики.

К концу трансформаций 1990-х гг. сложился устойчивый плюрализм типов разделения властей в регионах. Выбранный тип разделения властей сам по себе не является признаком силы либо слабости законодательных органов. Для постижения политического смысла модели разделения властей требуются дополнительные индикаторы: объемы формально-правовых полномочий ветвей власти и их неформального влияния.

Республики в составе Российской Федерации являются равноправными субъектами, имеющими конституционный статус и этнонациональные основания институционализации. Реформы федерации 2000-х гг. призваны обеспечить эффективный баланс административно-экономического и этнополитического начал в определении полномочий субъектов РФ, в т.ч. республик.

Во втором параграфе третьей главы «Тенденции развития парламентаризма в республиках РФ (постсоветский период)» установлена направленность и формы преобразований законодательной власти за 1990–2000-е гг., предложены рекомендации в данной сфере. Унификация системы законодательных (представительных) органов субъектов РФ не может служить самоцелью. Не во всех отношениях унификация полезна. Федеративное устройство государства предполагает многообразие отношений в зависимости от условий существования субъекта РФ, которые необходимо учитывать, в т.ч., в организации и деятельности законодательных (представительных) органов субъектов РФ. Можно дать рекомендации по развитию парламентаризма и выборов депутатов. Желательно сохранение бикамерализма для эффективного представительства этнических интересов; снижение заградительного барьера до 5%; введение гарантий представительства малых партий; квотное представительство социально незащищенных категорий граждан – инвалидов, женщин, молодежи и др. Предлагаемые меры могут быть нормированы в Федеративном кодексе РФ, обновленной Концепции государственной национальной политики РФ, в конституциях и законодательстве республик.

Нуждается в реформировании работа фракций в республиканских парламентах. Ныне она слабо регламентирована, создает риск доминирования одной партии либо главы региона. Независимо от численности фракции должны быть равноправными в своей деятельности, как и депутаты, независимо от системы избрания. Необходимо: обязательно рассматривать на заседаниях парламента законодательные инициативы фракций; включать представителей фракций в коллегиальные органы легислатуры; наделить фракции правом требовать созыва внеочередных заседаний; обеспечить пропорциональное представительство фракций при избрании председателей комитетов; устано-

вить обязательную квоту избрания депутатов-представителей фракций для работы на постоянной (оплачиваемой) основе; создать аппарат фракций.

Следует продолжить реформы не только институтов, но и отношений между субъектами политической власти. Необходимо развивать разделение властей; создать сильные парламенты регионов с плюралистичным составом депутатов; обеспечить независимость местного самоуправления и судов.

В третьем параграфе третьей главы «Эволюция института высшего должностного лица республик РФ» раскрыты различия статуса высшего должностного лица республик в развитии (на этапах 1990-х и 2000-х гг.), а также в кросс-территориальном сравнении.

Органы государственной власти в республиках России 1990-х гг. строились многообразно. Республики в составе РФ с согласия федеральных структур власти сохранили преемственность советской системы, дополнив её институтом выборного президента (главы республики). На выбор формы правления больше влияли процессы монополизации власти, чем персональные качества лидеров.

На основе изучения статуса высшего должностного лица (главы исполнительной власти) республик в составе РФ выделено три этапа его эволюции.

В ходе первого этапа 1991-1995 гг. сложились ресурсы власти и нормативные полномочия глав республик. Характерна асимметрия статусов президентов республик, избранных прямым всеобщим голосованием, в сравнении с главами администраций краев и областей, назначавшихся Президентом РФ. Полномочия и требования, предъявляемые к кандидатам на должность президентов (глав исполнительной власти), устанавливались в соответствии с конституциями, законами республик и договорами о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти республик, а не федеральным законодательством.

На втором этапе в 1996-1999 гг. период приняты федеральные законы, регулирующие полномочия президентов во взаимодействии с ветвями власти. Вопреки федеральному законодательству, постановлениям Конституционного Суда РФ отдельные полномочия президентов и квалификационные требования продолжали противоречить Конституции России и федеральному законодательству.

С 2000 г. идёт реформирование федеративной системы власти, что ведёт к сокращению полномочий высших должностных лиц (глав исполнительной власти) и устранению из конституций республик противоречащих федеральному законодательству норм. Качественные изменения власти в республиках РФ совершаются за 1999–2011 гг. вследствие реформ политической системы страны. Общий замысел реформ можно оценить как централизацию и рационализацию публичной власти, обеспечение единства и целостности государства. Однако курс проводится путем «мелких шагов», сопровождается острыми конфликтами из-за согласования противоречивых групповых интересов. Изживается пагубный сепаратизм и конфедерализм 1990-х гг. Но усиле-

ние «вертикали власти» ведет к концентрации полномочий в руках исполнительной ветви, что усиливает монополизм центров принятия решений.

В целом высшие должностные лица субъектов РФ обладают стандартным набором полномочий. Глава республики выполняет представительские функции, формирует высший исполнительный орган, обладает правом подписывать договоры и соглашения от имени республики, обнародовать законы и т.д. Главы республик обеспечивают координацию деятельности органов исполнительной власти с иными органами государственной власти республики, организацию взаимодействия органов исполнительной власти республики с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления и общественными объединениями.

В четвертом параграфе третьей главы «Трансформации органов исполнительной власти в российских республиках» дан сравнительный анализ вариантов институционального строения исполнительной власти республик РФ, их политических проявлений.

Во всех республиках высшее должностное лицо (глава республики) обладает широкими полномочиями по отношению к органам исполнительной власти. С точки зрения политической ответственности максимальная определенность роли главы республики в политической системе достигнута, если непосредственное руководство правительством является обязанностью высшего должностного лица субъекта федерации. Это отражается на структуре исполнительной власти. Формируется более эффективное правительство, которое занимает центральное место в системе управления.

Другая ситуация – в республиках, где глава республики выполняет координирующие функции. Непосредственным руководством высшим исполнительным органом государственной власти занимается премьер-министр. В ряде республик возможны варианты: либо Президент назначает премьер-министра с согласия парламента, либо он совмещает свою должность с должностью премьер-министра. Разделение политической ответственности в рамках исполнительной власти оправданно в республиках с двумя и более преобладающими этническими группами, где для легитимности исполнительной власти необходимо соблюдать принцип этнического представительства. В рамках административной реформы признаки формируемого в России механизма властных отношений могут быть эффективными лишь при взаимодействии регионов и центра. На этой основе органы исполнительной власти, превращаясь в влиятельных субъектов политики, призваны обеспечивать решение не только региональных, но и общенациональных задач.

В четвертой главе «Специфика политической институционализации органов власти в республиках Северного Кавказа (1990–2000-е гг.)» выявлены особенности институционального развития субнациональной власти в макрорегионе, проведено сравнение институционализации органов власти семи субъектов РФ.

В первом параграфе четвертой главы «Формирование политического статуса республик Северного Кавказа в постсоветский период» установлены структурные и процедурные факторы конституционного строительства, складывания композиции политических акторов и их стратегий.

Становлению демократических институтов в республиках Северного Кавказа в постсоветский период препятствовал ряд структурных факторов. Интересы элит этнонациональных движений и многочисленных территориальных конфликты серьезно дестабилизировали политическую ситуацию, что усложняло формирование органов власти. Социально-экономический кризис, с которым столкнулись республики Северного Кавказа, экономическая зависимость республик от центра обозначили несостоятельность претензий на суверенитет. Такие долгосрочные факторы, как этноклановость и влияние религиозных сообществ, ставили политические процессы в зависимость от клановых и этногрупповых предпочтений. Политические институты республик Северного Кавказа были маловосприимчивы к внедрению демократии.

Важными процедурными факторами институциональных изменений на Северном Кавказе стал выбор политическими субъектами компромиссных или силовых стратегий. В 1997 г. в итоге выбора основными политическими акторами компромиссных стратегий и урегулирования вооруженных конфликтов (чеченского и осетино-ингушского) на Северном Кавказе сложилось институциональное равновесие.

Политическая институционализация органов власти оказала противоречивое влияние на политический процесс. Система органов власти республик сформировалась под влиянием децентрализованного, этнического, договорного федерализма 1990-х гг. Асимметричная модель федерации в 1990-х гг. поощряла этнополитическую мобилизацию, вызывая популярность идей суверенитета и этнопреференциального строения органов власти. Региональная правящая элита автономно определяла порядок формирования органов государственной власти, нормы и процедуры политического представительства.

Курс рецентрализации власти в 2000-х гг. позволил восстановить её структурное и нормативное единство, преодолевать сепаратизм и этнократию на Северном Кавказе. Важным процедурным фактором стало то, что в ходе федеративной и избирательной реформ произошло смещение позиций региональных элит Северного Кавказа в сторону лояльности федеральному центру. Республиканские органы власти ревизовали конституции и законы своих субъектов федерации и привели их в соответствие с федеральной Конституцией и законами.

Таким образом, институциональные реформы 2000-х гг., направленные на восстановление единства системы государственной власти, в нормативном аспекте успешны. Преобладают компромиссные стратегии согласования интересов органов власти республики и федеральных органов власти. Курс рецентрализации власти позволил восстановить её структурное и нормативное единство, отчасти преодолеть сепаратизм и этнократию в регионе. Вместе с тем, развитие многопартийности и демократии сдерживается сложившимися

в республиках Северного Кавказа практиками: распределением власти между основными элитными кланами (директоратом и госслужащими) и этническими группами, этнорелигиозным радикализмом.

Во втором параграфе четвертой главы «Институциональное развитие законодательных органов власти республик Северного Кавказа в постсоветский период» внимание сосредоточено на балансе полномочий законодательной и исполнительной властей в сравнимых 7 регионах, на выявлении общих и своеобразных параметров развития представительной власти.

С учреждением в большинстве республик Северного Кавказа поста президента органы исполнительной власти начинают доминировать над законодательными. Ярким примером стало установление диктатуры Д. Дудаева в Чечне и низведение роли парламента до проводника интересов исполнительной власти, не обладающего законодательными и контрольными функциями.

В других республиках снижение роли законодательной власти стало результатом не силового «насаждения сверху», а неформальных практик «торга». Постепенно в рекрутации парламента республик стали действовать сложившиеся в советское время неформальные правила: избрание директоров крупных предприятий и руководителей районных администраций, перемещение политиков из законодательных органов в исполнительные и наоборот, незначительное представительство партий и общественных движений, клиентелизм, этническое квотирование. Слабая законодательная власть выгодна элитам республик, так как способствовала укреплению их позиций.

В начале 2000-х гг. федеральный центр предпринял шаги, направленные на изменение сложившейся на Северном Кавказе институциональной системы, которая ранее основана на договорной модели отношений. В этих целях принят ряд законов, установивший новые «правила игры» для региональной власти. Важным процедурным фактором стало то, что в ходе перераспределения властных полномочий в пользу центра, в т.ч. – в вопросе организации региональных органов власти, произошло смещение позиций правящих элит Северного Кавказа к лояльности федеральному центру. Республиканские органы власти ревизовали конституции и законы для приведения их в соответствие с федеральной Конституцией и законами. Более четкое распределение властных полномочий между федеральным центром и республиками, требования, предъявляемые к региональным органам власти в части соблюдения норм федерального законодательства, стали важными позитивными сдвигами в противовес чрезмерной децентрализации власти.

Анализ состава парламента республик Северного Кавказа первого и второго созывов доказал, что в 1990-е гг. роль партий в них была слабо выражена. Поэтому предусмотренное новыми правилами распределение депутатских мандатов среди партий и блоков носит, скорее, формальный характер и не может быстро отменить традиционные практики распределения власти.

Осмысление избирательной реформы показало, что в электоральных процессах республик Северного Кавказа по-прежнему используется административный ресурс. Население склонно поддерживать персоны, а не политиче-

ские программы, и большинство мест в собраниях по-прежнему распределяется между представителями крупного бизнеса и государственной службы. Сохраняется и традиционно сложившийся в республиках принцип этнического квотирования. Например, несмотря на отмену в Республике Дагестан выборов по многомандатным округам и введение смешанной избирательной системы, состав Народного Собрания, избранный в 2007 г., сформирован в соответствии с прежним принципом этнических квот.

В рамках избирательной реформы приняты новые правила проведения выборов в республиканские парламенты, которые направлены на укрепление многопартийности и развитие демократических процедур. Однако, влияние административного ресурса на электоральные процессы и победа на региональных выборах правящей партии ставит под сомнение достижение поставленных задач. Введенные федеральным центром институциональные инновации накладываются на сложившиеся на Северном Кавказе политические практики: распределение мест в республиканских парламентах между ограниченным кругом социально-профессиональных групп (бизнесом и административной элитой) и сохранение системы этнического квотирования.

Третий параграф четвертой главы «Сравнительный анализ политической институционализации высших должностных лиц в республиках Северного Кавказа» посвящен определению этапов и кросс-территориальных особенностей развития института (1990–2000-х гг.).

Основные преимущества «импорта» института президентства в 1990-е гг.: правовое закрепление за региональной элитой претензий на суверенитет; сохранение власти в руках представителей бывшей партийной номенклатуры; новый институт – всенародные выборы президента не только позволил руководству республик повысить свой статус, но и ограничил действия других политических акторов. Но «импорт» связан с весомыми издержками: необходимостью самостоятельно решать социально-экономические проблемы, сдерживать натиск оппозиции, соблюдать сроки полномочий власти. С учреждением в большинстве республик поста президента исполнительные органы власти стали доминировать над законодательными.

Новые институциональные ограничения, установленные федеральным центром в 1999–2004 гг., показали неэффективность «импорта» статуса президентства в республиках, в первую очередь, в силу дотационного характера экономики регионов. Еще во время выборов 2002–2004 гг. наметилось растущее влияние центра на электоральные процессы на Северном Кавказе. На смену представителям номенклатуры пришли предприниматели, федеральные госслужащие и сотрудники правоохранительных органов, а важным условием победы на региональных выборах стала поддержка кандидата со стороны центра.

В итоге реформ исполнительной власти 2000-х гг. в северокавказских республиках роль федерального центра в организации региональной власти усилилась, а статус глав республик значительно снижен. Отмена прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ позволила федеральной вла-

сти непосредственно влиять на наделение полномочиями главы исполнительной власти республики. Статус президентов республик значительно снижен реформами, предпринятыми федеральным центром. Президенты республик из самостоятельных лидеров превратились в проводников курса общероссийской власти, соподчиненных Президенту России и полномочному представителю Президента РФ в федеральном округе. Сменившие лидеров «назначенцы», обязанные своим положением воле федерального центра, не имеют достаточных ресурсов для возврата договорной децентрализованной модели отношений с Российской Федерацией.

В результате отмены прямых выборов глав исполнительной власти республик косвенное избрание стало инструментом в борьбе с клиентелизмом и коррупцией. Новые институциональные ограничения, установленные федеральным законодательством, отразили несоответствие института президента республик ограниченному объему власти, в первую очередь, в силу дотационного характера экономики.

За 2005–2011 гг. произошла смена всех глав республик Северного Кавказа в соответствии с принятой в декабре 2004 г. процедурой выборов, но только в двух случаях – в Адыгее и Карачаево-Черкесии назначение новых руководителей было очередным. Во всех остальных случаях отставка прежних глав республик была досрочной и зачастую инициированной из центра. Наибольшая нестабильность президентства отмечена в Дагестане и Карачаево-Черкесии. Это связано с острой конкуренцией этноклановых группировок и примерным равенством их ресурсного потенциала. Причиной тому – депрессивное состояние экономики и социальной сферы, этнорелигиозный радикализм и терроризм, слабость общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа. Политический процесс в данных субъектах федерации носит конфликтогенный характер, а деятельность органов власти решает антикризисные, а не модернизационные задачи.

В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и рекомендации диссертации.

Установлено, что политическая институционализация органов государственной власти республик – субъектов Российской Федерации (1991–2011 гг.) развивалась в условиях фрагментированного политического порядка и имела дискретную динамику. Ее закономерности: симбиоз формально-правовых и неформальных политических норм и практик, ригидность политических институтов и их сложная организационная структура, патрон-клиентарные сети зависимости между контрагентами политических взаимодействий, дезинтегрированность институтов власти в 1990-х гг. и их последующая консолидация. Сравнительный анализ тенденций политической институционализации органов государственной власти республик РФ позволил установить различие траекторий и итогов постсоветских трансформаций. В ряде республик с низким уровнем урбанизации и диверсификации экономики, весомым влиянием этноконфессионального радикализма сложились патримониальные режимы (Северный Кавказ, Калмыкия, Башкортостан, Татарстан). Тенденции

развития республик с более диверсифицированной экономикой и урбанизированным, секуляризованным населением ведут к закреплению демократических институтов и практик (Карелия, Удмуртия). Рецентрализация публичной власти федерального уровня увеличивает ресурсную базу модернизации органов государственной власти субъектов федерации, в т.ч. – республик.

В итоге исследования даны следующие рекомендации по совершенствованию приоритетов и задач институционализации органов государственной власти республик - субъектов Российской Федерации.

Институционализация системы органов власти должна быть ориентирована на приоритеты качественного повышения эффективности власти, дееспособности российского государства. Основой современной демократии является народный суверенитет, что предполагает неуклонное соблюдение выборности и подконтрольности всех органов власти, создание гарантий социального представительства и прозрачности власти. Необходимо реализовать нормы и практики политической конкуренции, отражающие реальные интересы массовых социальных групп. В этом контексте требуется усилить механизмы и каналы институционального взаимодействия государства и гражданского общества.

Задачи институционализации органов государственной власти республик, реализующие данные приоритеты, могут включить в себя:

- демократизацию избирательной системы (снижение заградительного барьера и отмену сбора подписей для участия в выборах в Государственную Думу РФ и законодательные собрания субъектов федерации, восстановление прямых альтернативных выборов членов Совета Федерации РФ с использованием ценза оседлости, восстановление прямых альтернативных выборов глав субъектов федерации);

- упрощение порядка регистрации политических партий и их региональных отделений в русле уведомительного порядка, применение процедур участия не представленных в парламенте страны и региональных законодательных собраниях партий в подготовке и экспертизе властно-политических решений;

- создание устойчивой системы мониторинга эффективности работы органов власти и государственных служащих, их регулярной отчетности перед избирателями в публичных формах и дисквалификации неэффективных чиновников

- внедрение институционального механизма артикуляции и агрегации социально-групповых интересов, публичного согласования данных интересов в деятельности органов государственной власти, обеспечивающего прозрачный и постоянный механизм принятия политических решений;

- повышение качества политического участия граждан, их контроля над государственной политикой посредством общественного обсуждения законопроектов на всех территориальных уровнях власти, выдвижения гражданами и их объединениями законопроектов и экспертизы реализации политических решений (в том числе – в Интернет-пространстве);

– повышение политического статуса и функций Общественной палаты РФ и общественных палат субъектов федерации, омбудсменов – уполномоченных по защите прав, обеспечение демократичного порядка их формирования и контроля над Общественными советами при органах исполнительной власти, профессионализма их деятельности;

– обеспечение партнерского типа взаимодействий органов государственной власти субъектов федерации с местным самоуправлением, разграничение компетенций и ресурсов власти между ними на основе принципа субсидиарности;

– развитие институциональной системы федерализма при сбалансированном сочетании централизации и децентрализации, с приоритетностью укрепления государства как целостной системы, поддержания равновесия законных интересов субъектов федерации.

Следует обеспечивать симметрию политических статусов субъектов федерации, уменьшать диспропорции их ресурсной базы не только путем региональной политики, но и посредством научно обоснованных и одобренных общественным мнением преобразований состава субъектов федерации. Должна активизироваться роль Конституционного Суда РФ в обеспечении единства и территориальной целостности нашей страны.

Для повышения эффективности и качества демократии в России важно добиваться согласованности в институциональном развитии государства и субъектов федерации. Основными являются два принципа: институциональное развитие осуществляется на демократической базе; согласованность в федеративном государстве должна охватывать важнейшие институты, необходимые для поддержания демократии и конкурентоспособного государства. Институциональное развитие и федерации, и ее субъектов следует направить в едином направлении реализации демократических принципов и норм. Полагаем, надо скоординировать между собой реформы не только политических институтов, но и практик отношений между субъектами российской политики.

Осуществление рекомендаций в политической деятельности органов власти республик – субъектов Российской Федерации сделает институционализацию субнациональных органов власти более эффективной и демократической.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Кокорхоева Д.С. Политическая институционализация органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Армавир: Изд-во Армавирской гос. пед. академии, 2010. 196 с. (12,1 п.л.).

2. Кокорхоева Д.С. Тенденции политической институционализации системы органов власти республик Российской Федерации в условиях постсоветских реформ. Назрань: Пилигрим, 2011. 303 с. (19,0 п.л.).

3. Кокорхоева Д.С. События октября – ноября 1992 года (К истории развития государственности Ингушетии). Назрань: Пилигрим, 2006. 96 с. (6,0 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для публикации результатов докторских диссертаций

4. Кокорхоева Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. Вып. 14. №7 (78). С. 208-217 (0,5 п.л.).

5. Кокорхоева Д.С. Система органов государственной власти субъектов Российской Федерации: проблема политической институционализации // Социально-гуманитарные знания. М., 2010. №7. С.32-40 (0,5 п.л.).

6. Кокорхоева Д.С. О некоторых аспектах решений Второго съезда ингушского народа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия Обществ. науки. Ростов-н/Д, 2009. №1. С. 123-126 (0,5 п.л.).

7. Кокорхоева Д.С. Решения Второго и Третьего съездов ингушского народа // Юрист-правовед. Ростов-н/Д, 2009. №6 (37). С. 105-108 (0,4 п.л.).

8. Кокорхоева Д.С. Политическая институционализация органов законодательной власти в российских регионах: сравнительный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2010. №3 (24). С. 21-28 (0,5 п.л.).

9. Кокорхоева Д.С. Институциональная трансформация органов власти республик Северного Кавказа в 2000-х гг. // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2011. №2. С. 113-123 (0,75 п.л.).

10. Кокорхоева Д.С. Институт высшего должностного лица республик в составе Российской Федерации: проблемы политического реформирования // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2011. №2 (80). С.265-272 (0,5 п.л.).

11. Кокорхоева Д.С. Модель федерализма в России 1990-х гг.: институциональный аспект // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Социология. Политология. 2011. Вып. 1. С. 80-87 (0,5 п.л.).

12. Кокорхоева Д.С. Конституционные суды республик в составе Российской Федерации как политический институт центр – региональных отношений // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. №4. С. 192-196 (0,4 п.л.).

13. Кокорхоева Д.С. Институциональное развитие политической власти в Республике Татарстан // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4.История. Регионоведение.Международные отношения.2011.№2(20).С.184-187(0,4 п.л.).

14. Кокорхоева Д.С. Институт президента в республиках Северного Кавказа: проблемы политического реформирования // Вестник Сочинского гос. ун-та курортного дела и туризма. 2011. №4. С. 297-303 (0,9 п.л.).

15. Кокорхоева Д.С. Политическая институционализация органов законодательной власти республик Северного Кавказа в 2000-х гг. // Социально-гуманитарные знания. М., 2011. №10. С. 34-45 (1,0 п.л.).

16. Кокорхоева Д.С. Реформа политико-территориального устройства России 2000-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2011. №4 (29). С. 96-104 (0,8 п.л.).

17. Кокорхоева Д.С. Неформальные политические институты взаимодействия органов власти в субъектах Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. №7. С. 203-207 (0,4 п.л.).

Другие публикации

18. Кокорхоева Д.С. О некоторых проблемах депортации и реабилитации ингушского народа // Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докл. и сообщ. Росс. науч.-практ. конф. (28-29 мая 1992 г.). Элиста: Изд-во Калмыцк. гос. ун-та, 1992. С. 33-34 (0,2 п.л.).

19. Кокорхоева Д.С. Проблемы становления и развития государственности ингушского народа // Мир на Кавказе через языки, образование, культуру: Тез. докл. Второго Междунар. конгресса (15-20 сент. 1998 г.). Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингв. ун-та, 1998. С. 41-43 (0,2 п.л.).

20. Кокорхоева Д.С. Становление национальной государственности ингушского народа // Образование и развитие многонационального государства в России: сущность, формы и значение. Материалы Росс. науч. конф. (25-26 окт. 2002 г.). Элиста: Изд-во Калмыцк. гос. ун-та, 2002. С. 132-135 (0,4 п.л.).

21. Кокорхоева Д.С. Национально-государственное устройство // Жизнь национальностей. М., 2003. №1-2. С. 29-31 (0,4 п.л.).

22. Кокорхоева Д.С. К вопросу о восстановлении национальной государственности ингушского народа // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе: Материалы Росс. науч.-практ. конф. (12-13 янв. 2007 г.). Элиста: Изд-во Калмыцк. гос. ун-та, 2006. С. 182-185 (1,0 п.л.).

23. Кокорхоева Д.С. Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и его реализация на примере ингушского народа // Сборник науч. статей Ин-та социальн. исслед. Назрань: Изд-во Ингушск. гос. ун-та, 2008. С. 64-80 (1,0 п.л.).

24. Кокорхоева Д.С. Искусственные преграды на пути реализации закона «О реабилитации репрессированных народов» // Проблемы реабилитации репрессированных народов в современной России: Сб. статей. Назрань: Изд-во Ингушск. гос. ун-та, 2009. С. 54-60 (0,4 п.л.).

25. Кокорхоева Д.С. Государство и общество в системе политических отношений (на примере политики России на Кавказе) // Актуальные проблемы

истории Кавказа: Материалы междунар. конф. 14-15 апр. 2010 г. Махачкала: Изд-во Дагестанск. гос. ун-та, 2010. С. 242-244 (0,4 п.л.).

26. Кокорхоева Д.С. Сравнительный анализ теорий институтов политической власти // Политические институты и процессы: теория и практика. Материалы Второй Всеросс. науч.-практ. конф. 23 апр. 2010 г. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. С. 379-393 (0,6 п.л.).

27. Кокорхоева Д.С. Республики Российской Федерации: специфика политико-институционального статуса // Кавказ – наш общий дом: Сб. тезисов и докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф. 23-24 сент. 2010 г. Ростов-н/Д: Изд-во «Социально-гуманитар. знания», 2010. С. 163-165 (0,2 п.л.).

28. Кокорхоева Д.С. Проблемы политической институционализации системы органов государственной власти субъектов РФ // Региональные политические исследования. Армавир, 2010. №3 (3). С. 160-165 (0,4 п.л.).

29. Кокорхоева Д.С. Реформы федерализма в России 2000-х гг.: направления, тенденции и перспективы. Сб. науч. трудов. Магас: Изд-во Ингушск. гос. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 167-180 (0,9 п.л.).

30. Кокорхоева Д.С. Политическая институционализация органов власти республик РФ (на материалах Адыгеи) // Государство и общество: проблемы взаимодействия: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. 14 янв. 2011 г. Киров: Изд-во Вятск. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 112-116 (0,3 п.л.).

31. Кокорхоева Д.С. Институционализация органов государственной власти как фактор политического процесса в Республике Адыгея // Общество: политика, экономика, право. Краснодар, 2011. №2. С. 13-17 (0,5 п.л.).

32. Кокорхоева Д.С. Политическая институционализация системы власти в республиках Российской Федерации в 1990-е гг. // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук: Межвуз. научн. сборник. Воронеж: Научная книга, 2011. Вып. 9. С. 204-207 (0,3 п.л.).

33. Кокорхоева Д.С. Реструктуризация института президентства в республиках Северного Кавказа в условиях постсоветских политических реформ // Инновационность и многоуровневый менеджмент в современном российском обществе: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. 1 марта 2011 г. Волгоград: М.: ООО «Планета», 2011. С. 27–31. (0,25 п.л.).

34. Кокорхоева Д.С. Институциональная реформа исполнительной власти в республиках России (2000-е гг.) // Современные общественно-политические системы в условиях модернизации: состояние и перспективы развития. Сборник статей по материалам Всерос. науч. конф. (10-11 марта 2011 г.). Орел: Изд-во Орловск. гос. ун-та, 2011. С. 110-115 (0,25 п.л.).

35. Кокорхоева Д.С. Проблемы политического статуса республик России в контексте типологии федераций // Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (теории и практика): Научн. труды III Всерос. науч.-практ. конф. (25-26 марта 2011 г.). Махачкала: Изд-во Ин-та (филиала) Моск. гос. открыт. ун-та в г. Махачкале, 2011. С. 35-40 (0,3 п.л.).

36. Кокорхоева Д.С. Тенденции развития законодательной власти республик Российской Федерации в постсоветский период (на материалах Башкор-

гостана) // Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе: человек и общество в пространстве инноваций: Сборник статей и тезисов докл. IX Всерос. науч. конф. (19 мая 2011 г.). Липецк; Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2011. С. 77-79 (0,2 п.л.).

37. Кокорхоева Д.С. Политический аспект институционализации системы власти в республиках Российской Федерации // Актуальные вопросы философии, истории и политологии: Материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. (10 марта 2011 г.). Новосибирск: Энке, 2011. Ч. 2. С. 99-105 (0,3 п.л.).

38. Кокорхоева Д.С. Институционализация представительства этнических организаций в органах власти республик России (на примере финно-угорских регионов) // Исследование социально-экономических и политических институтов и процессов: материалы IV Всерос. заоч. науч. конф. (18 марта 2011 г.). Киров: Изд-во Вятск. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 33-36 (0,25 п.л.).

39. Кокорхоева Д.С. Политический режим Республики Башкортостан в условиях рецентрализации власти: тенденции институционального развития // Экономика, экология и общество России в XXI столетии: Сборник научн. трудов 13-й Междунар. науч.-практ. конф. (17-18 мая 2011 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. политехн. ун-та, 2011. С. 13-14 (0,2 п.л.).

40. Кокорхоева Д.С. Ингушетия в контексте проблем становления и развития государственности: национальный и региональный уровни // *Lingua - universum*. Назрань: Изд-во Ингушск. гос. ун-та, 2011. №1. С.17-28 (1,0 п.л.).

41. Кокорхоева Д.С. Институциональное развитие органов власти республик Северного Кавказа в контексте реформ федерализма 2000-х гг. // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Сборник научн. трудов Междунар. научн. конф. (9-12 июня 2011 г.). Назрань: Изд-во Ингушск. гос. ун-та, 2011. С.90-106 (0,75 п.л.).

42. Кокорхоева Д.С. Реформы институтов власти в республиках Северного Кавказа как направление национально-государственного строительства (2000-е гг.) // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всерос. научн. конф. 13-15 сент. 2011 г. Ростов н/Д: Изд-во Южн. научн. центра РАН, 2011. С. 154-157 (0,3 п.л.).

43. Кокорхоева Д.С. Политическая институционализация органов государственной власти республик в составе Российской Федерации // Право и его реализация в XXI веке. Материалы Междунар. научн.-практ. конф. 22-23 сент. 2011 г. Саратов: Изд-во Саратовск. гос. акад. права, 2011.

44. Кокорхоева Д.С. Институциональная реформа исполнительной власти в республиках России в контексте обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы национальной безопасности: российский и зарубежный опыт. Материалы междунар. научн.-практ. конф. 6 окт. 2011 г. Майкоп: Изд-во Адыг. гос. ун-та, 2011. С. 23-29 (0,4 п.л.).

45. Кокорхоева Д.С. Институционализация этничности как фактор политического развития федерализма в России // Инновационное развитие совре-

менных социально-экономических систем: Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград; М.: ООО «Планета», 2011. С. 117–123. (0,25 п.л.).

КОКОРХОЕВА ДУГУРХАН СУЛТАНГИРЕЕВНА

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИК)**

**Автореферат диссертации на соискание ученой
степени доктора политических наук**

Бумага тип. № 2. Печать трафаретная.
Тираж 110 экз. Заказ №952

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,
Центр "Универсервис", тел. 21-99-551

12 - 7558

2012092655